

Ульяна Рейник

АНТИЧНЫЕ ОБРАЗЫ В ДИСКУРСЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Работа предоставлена для сайта Т.А.Черноверской

© Ульяна Рейник 2003

© Новосибирский государственный педагогический университет 2003

Гиперссылки на дополнительные материалы даны нами - ред. *Vive Liberta*

Два века, которые минули со времени Французской революции, своими грандиозными достижениями и величайшими трагедиями не стерли ту драму в анналах истории. Почему же историческая память народа и историческая мысль человечества вновь и вновь возвращаются к событиям на берегах Сены на исходе XVIII века? Может быть, потому же, почему мысль самих участников событий обращалась к еще более давнему человеческому опыту - деяниям и помыслам людей Древней Греции и Рима?

Мне бы хотелось прежде всего остановиться на тех методологических подходах, которые использованы в данном исследовании, определить тот ракурс, в котором я обращаюсь к источникам.

Почему особенно важно заострить внимание на методе? Ответ прост - развернуть поставленную проблему возможно только при наложении определенного массива источников на строго очерченные способы прочтения и осмысления материала. На первый взгляд кажется, что довольно просто рассказать об образах, которыми была полна эпоха. Никому не нужно напоминать о классицизме в искусстве, о полотнах Давида, об именах революционеров (Франсуа Нозль Бабеф¹, например, оказывается Камиллом, а с 1793 г. - Гракхом Бабефом, Пьер Гаспар Шометт - Анаксагором Шометтом²). На данный феномен революции обращали внимание и современники, и исследователи. Но, обращая внимание на этот факт, современники и исследователи чаще упоминали о нем как о черте культуры или идеологии того времени. Античные сюжеты рассматривались в свете внимания к другим реалиям Французской революции.

Гордон А.В.³ рассматривает различные версии появления античных образов в политической мысли Французской революции. Автор статьи не в полной мере соглашается с мнением о желании революционеров освятить разрыв со Старым порядком при помощи традиции древнего прошлого, считая его поверхностным; не согласен он и с мнением Ференца Фехера, связывающего античную традицию с неприятием якобинцами буржуазного эгоизма. Автор считает, что здесь «скорее речь

должна идти о двойственном отношении неприятия и дополнительности - неприятия якобинцами отдельных, несомненно существенных сторон буржуазного общества, и поиска альтернативы им, которая была бы связана с последним по известному принципу дополнительности». Античный мир - это и прообраз гражданского общества, и разновидность существовавшей в Древней Греции и Риме естественной общности. Гордон приходит к выводу, что революционеры во многом были разочарованы в либеральных принципах гражданского общества и рассматривали последнее, как «негатив» естественного состояния, стремились приблизить идеал естественной «общности» к «гражданскому обществу». А «естественная общность» появляется в сочинениях Сен-Жюста, тогда, когда он обращается к греческому полису или римской civitas.

Морщикина Л.А.⁴ рассуждает о проблемах утопии и утопического и обращается к сочинениям Сен-Жюста с точки зрения поиска в них утопических черт. Автор находит в «Республиканских установлениях» Сен-Жюста «смутный призрак внешней структуры античного общества»: «В проекте Сен-Жюста - гражданская община, в которой будут господствовать добродетель и принцип: один за всех и все за одного. Та же строжайшая регламентация быта граждан на манер Спарты, те же суровые предписания о правах и обязанностях населения. Морщикина считает, что общество Сен-Жюста - утопичное построение, которое могло бы быть обращено в политику.

Пименова Л.А.⁵ обращает внимание на то, что свой образ свободы революционеры связывали с античным идеалом. Отсюда и появление соответствующей атрибутики (фригийский колпак, к примеру). Однако, основываясь на воспоминаниях современников (мадам де Сталь и Б.Констана), Пименова делает вывод о том, что идеалы античной свободы просто были не уместны во Франции XVIII в., так как человек этого времени стал индивидуалистом и не мог быть растворен в жизни общины по образцу античного строя, поэтому-то античные одежды не соответствовали исторической действительности.

Исследуя политические взгляды Сен-Жюста, Салмонович С.⁶ считает, что античные авторы оказали влияние на формирование мировоззрения и нравственных позиций Сен-Жюста, в частности на формирование понятия добродетели.

Чудинов А.В.⁷ анализирует свидетельства современников и отмечает их критическое отношение к преобразованиям в обществе на античный манер.

Можно привести еще множество отрывков того же свойства, как и указанные выше. Общее рассуждение строится следующим образом:

⁴ МОРЩИХИНА Лариса Александровна <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lmor>

⁵ ПИМЕНОВА Людмила Александровна <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lpimen>

⁶ САЛМОНИЧ Станислав http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#st_slm

⁷ ЧУДИНОВ Александр Викторович <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chud>

¹ о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

² о нем: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#chm>

³ ГОРДОН Александр Владимирович <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#gord>

рассматривается какая-либо проблема идеологического, политического, нравственного или иного характера в письменных высказываниях революционеров, попутно автор отмечает влияние античности или сходство с античными образами или идеями.

Мне бы хотелось обратиться именно к самому значению античных образов. Что предполагает подробное прочтение источников при вооружении методами современной историографии? Стоит сразу отметить, что тот ракурс, в котором я рассматриваю источники, стал возможен в свете развития новых направлений в исторической науке последней трети XX века.

Метод - это своего рода стратегия работы, поэтому, чтобы максимально точно определить шаги и диспозиции по отношению к источнику, мне необходимо было ознакомиться с разными направлениями современной историографии (пусть даже не в оригинальных исследованиях, а в сжатом «обзорном» виде). Я обратилась к историческим сборникам и альманахам, в которых обрисовывается картина состояния современной исторической науки и перспектив ее развития, в частности, работы и статьи по дискурсивным практикам, структурализму и новой интеллектуальной истории, прежде всего с точки зрения их внимания к тексту, его отдельным элементам и их трансформации.

Зверева Г.И. характеризует трансформацию современного научного знания: наука дескарализуется, и знание предстает сейчас не как завершённый познавательный опыт, а «скорее как противоречивый интеллектуальный процесс, своеобразное узнавание, поименования бытия, обусловленное подвижным культурным контекстом». Процесс деобъективации переживает и метод, который становится «выражением определенного состояния интеллекта», приоритет теперь отдается эстетическому подходу. Через деобъективацию теории и метода повышается значимость понятия «интерпретация» и существенно расширяются его границы. Значение интерпретации возрастает в связи с тем, что на смену объективной реальности в новой эпистемологии приходит текст, без определяющих значений и границ, бесконечная игра означающих. «Реальность есть не что иное, как культурный акт творения, совершаемый автором. В таком случае познающий субъект оказывается слитным с объектом - культурным контекстом, автор включен и даже растворен в нем». Поскольку вне текста не существует исторической реальности, «новые интеллектуалы» трактуют историческое свидетельство как текст, у которого есть свои специфические признаки. Текст и исторический нарратив объединяет то, что они оба - выражение образа реальности. В связи с этим «идея реконструкции истории «такой, какой она была», воссоздания ее с помощью правильно (истинной, верифицируемой) теории и научных (истинных) методов-способов постижения, объяснения реальности, - уступала место концепту гуманитарного дискурса, создаваемого в соответствии с заданным правилом-режимом истины (по выражению М.Фуко), выбранным жанром, языком, теорией и методом ради культурного сообщения».

Подобный подход дает возможность поставить проблему античности в политическом дискурсе Французской революции в силу своего внимания к тексту, а также признания «новыми интеллектуалами» того, что автор исторического нарратива конструирует реальность (то есть текст) из реальности (по сути, тоже текста). Близок этот подход к моему исследованию еще и потому, что в его основу «положен метод внимательного бесконечного чтения - слова за словом, с желанием понять, как выбирались для текста речевые конструкции». Возможность конструирования реальности при помощи языковой и дискурсивной практики является особенно привлекательной для моей работы.

Реальность-текст, конструирование, - все это тесно связано со структурализмом. Структурализм, начавшийся с эпистемологии разрывов Г.Башляра, внес новые перспективы в историческое исследование. Согласно этому взгляду, в истории существуют «разрывосозидающие» по своей исторической функции события, принципиально новые по отношению ко всему предшествующему периоду. Башляр привносит методологию разрывов на деятельность историка. Принцип разрывов соединяется с принципом системного целого (основным принципом структурализма). Идея разрыва не вступает в противоречие с идеей о непрерывности в истории: «Сеть разрывов и непрерывности нельзя отрицать. В начале исторического исследования знание предстает как смешанная «спутанная» непрерывность - как бы аналог «первородного хаоса». Анализ историка, ставящего эпистемологические вопросы, обрабатывает этот «хаос» таким образом, что при этом фиксируются четкие линии разрывов, но сами разрывы - не равноценны ... они выступают еще как бы хаотически... Вторая стадия- это неорганизованная совокупность разрывов. Наконец, на третьей стадии исследования возникает результирующая связность, то есть непрерывность, построенная на базе самих разрывов. Порядок в разрывах говорит нам о магистральных линиях движения знания, о сквозных проблемах и т.п., то есть происходит синтез непрерывности и прерывности.

Подобный взгляд на историческую деятельность полезен для моей работы, как никакой другой. Дело в том, что выше в общих чертах указан метод, с помощью которого можно обратиться к античным образам. Действительно, как будет показано ниже, гораздо более целесообразно вычленив античные образы из общей ткани политической мысли, а потом попытаться установить некие отношения между этими образами, структурировать их между собой и в соотношении с политической мыслью Французской революции.

Структуралисты провозглашают «смерть автора» (по выражению Фуко) и таким образом вводят стратегию избавления от субъекта в знании. С провозглашенной смертью наступает черед дискурсивных практик (у Фуко) или царство «письма» (у Барта). Со смертью автора связано изменение в характере описания истории: «Функция исторического деятеля как бы переходит от человека (мыслимого в категориях психологии прежде всего) к самоактивному полю, к анонимному безличному механизму, к социальной системе, в дискретную

и динамическую структуру, в которую человек входит независимо от своей воли и сознания, хотя и не без их участия <...> Стало реальным писать истории «позиций» и «структур», а не историю «людей» в прежнем смысле традиционной историографии». История, таким образом, становится историей позиций и оппозиций, структур и их трансформаций.

Ролан Барт характеризует структурализм по отношению к пользователям, как деятельность «то есть упорядоченную последовательность определенного числа мыслительных операций». Цель такой деятельности воссоздание объекта так, чтобы возможно было обнаружить правила его функционирования (его функции). Восстановленный таким образом объект приобретает новые невидимые раньше свойства. Результат такого воссоздания - это сам проделанный путь по выявлению функций. Особенно важным для моего исследования является следующий отрывок: «Структуралистская деятельность включает в себя две специфические операции - членение и монтаж... все эти единицы (расчлененные фрагменты объекта - Р.У.) обретают значимое существование лишь на своих границах - на тех, что отделяют их от других актуальных единиц речи, а также на тех, которые отличают их от других виртуальных единиц, и вместе с которыми они образуют определенный класс (называемый лингвистами парадигмой)... Парадигматический объект характеризуется отношениями сходства-несходства: две единицы одной парадигмы должны иметь некоторое сходство для того, чтобы могло стать совершенно очевидным различие между ними... Определив единицы, структуральный человек должен выявить или закрепить за ними правила возможного соединения: с этого момента деятельность по запрашиванию сменяется деятельностью по монтированию». Несмотря на то, что такой анализ имеет явную лингвистическую направленность, его сущность представляется мне необходимой для формирования подхода к моей теме исследования.

Завершить методологическую часть своей работы мне бы хотелось рассмотрением понятия «дискурс». Исследованию этого понятия и полновластному введению его в науку мы обязаны М.Фуко. Что же такое этот дискурс, из каких элементов он состоит и как организован? Основным вопросом дискурса является: «в чем состоит тот особый вид существования, который раскрывается в сказанном и нигде более?»

Особо значимыми в процессе анализа и определения дискурса являются закон перераспределения, категории порядка и отношений между объектами. Дискурс понимается, как практика формирующая объекты, о которых он говорит. Дискурс является внешним по отношению к своим объектам пространством, в котором размещается сеть различных мест, в практике дискурса действует закон перераспределения, который устанавливает дистанции объектов, индивидуализируя их. При помощи этого закона, который устанавливает пробелы и рассеивания объектов, можно установить то, что Фуко называет «дискурсивной формацией». «Анализ описывает систему рассеиваний (формы распределения) Если между определенным количеством высказываний мы можем описать подобную систему рассеиваний, то между субъектами, типами

высказываний, концептами, тематическим выбором, мы можем выделить закономерности (порядок, соотношение, позиция, функционирование и трансформации). Можно назвать это дискурсивными формациями». Условия, обуславливающие элементы перераспределения, - правила формации.

Так как дискурс - это такая практика, которая сближает и смешивает язык и реальность, лексику и опыт, особенно важным для него становится высказывание. Высказывание понимается как последний неделимый элемент подающийся изоляции в самом себе и способный вступать в отношения с другими ему подобными элементами». Высказывание весьма трудно точно определить. В понимании Фуко, он не укладывается ни в рамки грамматической фразы, не поддается логическому анализу и может выходить за рамки речевых актов. Складывается впечатление, что это особый элемент дискурса, который определяется, как и все в нем своим особым способом. Группы высказываний описываются под именем дискурсивных формаций. Таким образом, становится возможным описывать дискурс с его внешней стороны и, отталкиваясь от последних его элементов, то есть изнутри. Среди множества разных определений того, что является высказыванием, данных в указанной работе, наиболее полным мне представляется следующее: «Высказывание не структура (совокупность отношений между элементами), но функция существования, принадлежащая соответственно знакам, исходя из которых можно путем анализа или интуиции решить, «порождают ли они смысл», согласно какому правилу располагаются в данной последовательности или близко друг к другу, знаками чего являются и какой род актов оказывается выполненным в результате их формулирования». Высказывание может быть постоянным в силу существования его в «поле стабилизации»- определенной схеме применения. При этом высказывания могут быть тождественными даже при различии актов высказывания. Но в этом же «поле» определяется и порог, с которого начинается новое высказывание. Применяя данный тезис к моей теме можно сказать, что один и тот же античный сюжет, понятый как высказывание у Тацита и, например, у Робеспьера, по сути, является двумя разными высказываниями. Так как изменились условия существования этого высказывания, его связи с другими высказываниями и цели его создания. Изменилось сообщение, которое несет в себе высказывание, изменилась его функция. Поэтому применительно к Французской революции не имеет особой значимости рассмотрение античных образов в их первоначальной функции, скорее, следует выяснить, что сообщают античные образы «здесь и сейчас», то есть в интересующее нас время. С характеристикой поля стабилизации тесно связано определение, данное Фуко историческому анализу - «описание сказанных вещей в том качестве, в каком они были сказаны». То есть на уровне функций высказывания, на уровне условий существования и дискурсивной формации, к которой сказанные вещи принадлежат. Таким образом, подобный анализ можно назвать «археологией» в терминологии М.Фуко.

Ко всему, что уже написано здесь относительно дискурса мне бы хотелось добавить еще два определения, характеризующие дискурс. Приведу их здесь полностью, потому что они важны именно в том виде, в котором присутствуют у М.Фуко: «Дискурс в самых общих чертах обозначает совокупность словесных перформансов; то, что было произведено совокупностью знаков. Дискурс является общностью очередностей знаков постольку, поскольку они являются высказыванием, то есть поскольку им можно назначить модальности частных существований. Дискурсивная формация является принципом распределения и рассеивания не формулировок, фраз, а высказываний. Следовательно, дискурс - совокупность высказываний». И еще одно определение, претендующее на хрестоматийный характер: «Дискурсивная практика-совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функций высказывания».

Мне бы хотелось указать здесь еще несколько работ, оказавших влияние на мою исследовательскую деятельность. Первая - Бахтин М. (Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса). Для меня было важным то, как в этой работе произведено исследование явления культуры. Работа автора с источниками, формулирование им новой терминологии, относящейся к смеховой культуре, конструирование нового второго мира культуры средневековья - все то, в чем состоит определенная авторская смелость, - дали очень полезные идеи для написания моей работы.

Вторая книга, которая дала мне новые идеи для написания диплома, - Дарнтон Р., «Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры». ⁸ Автор обращается к исследованию картины мира у разных слоев населения. Он начинает с крестьян, потом идет к ремесленникам, затем к буржуа, интеллектуалам и через новое осмысление Руссо - к появлению нового типа читателя. Каждый из героев глав книги осмысливает свой новый мир по-своему, и Дарнтон рассматривает этот мир не через стандартный набор текстов, а наоборот, отталкиваясь от необычного. Автор не претендует на широту и универсальность оценок и сразу оговаривает, что исследованию подобного рода свойственна неполнота. Обосновывая свою позицию, Дарнтон говорит: «Если нам непонятен смысл поговорки, шутки, стишка или обычая, - это верный признак того, что мы обнаружили что-то интересное. Пытаясь разобраться в наиболее загадочных местах документа, мы можем распутать целую систему смыслов. Эта нить способна привести нас даже к пониманию удивительного, совершенно не

похожего на наше мировоззрения.»

Теперь от литературы и анализа подходов к источникам, необходимых мне для исследования, стоит обратиться непосредственно к источникам. Моя работа будет основана на политических текстах революционеров, главным образом якобинцев, так как работа с текстами жирондистов, фельянов или бешеных затруднена из-за значительно меньшего количества изданных на русском языке сочинений.

Источниковую базу исследования составляют тексты публичных выступлений и теоретические труды ведущих деятелей Французской революции - Максимилиана Робеспьера, Луи Антуана Сен-Жюста, Жоржа Огюста Кутона, Жана-Поля Марата, Гракха Бабефа.⁹ Основное внимание уделяется сочинениям Робеспьера и Сен-Жюста, так как среди указанных выше авторов они наиболее часто обращались к античным образам. Сопоставление с другими авторами политической мысли возможно, но, к сожалению, оно не будет репрезентативным и полностью корректным в силу указанных выше причин.

Следует отметить тот возможный путь, через который античные образы входили в реальность революционеров. Во-первых, это классическое образование, которое имели или должны были иметь указанные авторы, предполагающее основательное изучение наследия классической древности.

Необходимо также учитывать то огромное влияние, которое оказали на политических деятелей просветители. Античные образы, особенно такие «знаковые» фигуры, как Цезарь или Катон (старший или младший) предстают перед нами в текстах политических деятелей через призму отношения к ним Монтескье или Руссо. Я буду обращаться к этим просветителям при освещении проблемы римской доблести - добродетели. Я обратилась к сочинениям Ш.-Л.Монтескье, «Размышления о причинах величия и падения римлян», «О духе законов»; Ж.-Ж.Руссо, «Об общественном договоре или принципы политического права». ¹⁰ О влиянии просветителей (Монтескье в частности) на политическую мысль революции можно составить представление по статье Н.Ю.Плавинской.

Восстановить античные образы в значении наиболее близком людям конца XVIII века позволяет обращение к Энциклопедическому словарю Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Выбор пал на это издание по следующим причинам. Существовали возможности обращения к античным текстам (сочинениям Тита Ливия Плутарха и т.п.), равно, как и к современным словарям античности, но то и другое далеко от восемнадцатого столетия, причем удаленность измеряется здесь как временными промежутками,

⁹ РОБЕСПЬЕР Максимилиан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#MR>

СЕН-ЖЮСТ Луи Антуан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#SJ>

КУТОН Жорж Огюст <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#ctn>

МАРАТ Жан Поль <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#marat>

БАБЕФ Франсуа Нозль (Гракх) <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#bf>

¹⁰ МОНТЕСКЬЕ Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref2.htm#mnt>

РУССО Жан Жак <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jrss>

⁸ фрагменты книги:

«Анатомия литературной республики в досье инспектора парижской полиции» http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_litrep.pdf

«Читатели Руссо откликаются» http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_rss.pdf

так и разрывом в мировоззрении, который естественно сопряжен с временем. Поэтому я обратилась к энциклопедии, изданной в 1890-1907 годах, так как авторы этого словаря, также имеющие за плечами классическое образование, оказываются более близки к тому восприятию античности, которое характерно для деятелей Французской революции, а это, в свою очередь, позволяет понять контекст появления на сцене революционных событий античных персонажей. Поняв контекст, я могу установить связь античности и революции, оценить, почему данное место занимает данный античный образ, а никакой другой.

Хотелось бы сделать еще несколько предварительных замечаний. Исследование подобной темы следует вести от последней неделимой единицы дискурса - высказывания. Цель подобного исследования - не обобщить множество высказываний, не связать с событием путем выяснения степени влияния, а раскрыть смысл - какое значение несет в себе античный образ, что он значит.

Поскольку каждый античный образ представляет собой устоявшееся значение, которое всегда присутствует в памяти, когда мы произносим его имя, то, помещенный в текст другой эпохи, он вводит туда свою систему смысла, которая имеет корни в античности. Таким образом, в ходе работы над текстами возможно выяснить, что представляет собой событие, явление или человек - герой одной эпохи, в оснастке его античными образами. Для выяснения смысла необходимо осуществить своеобразный перевод на язык современности.

Корме того, введенные в текст одной эпохи античные образы, как сложившаяся система, создают свой собственный текст, собственную взаимосвязанную сеть или структуру. Разложенное на составляющие политическое выступление предстает как своеобразная конструкция текстов, когда за одним образом следует другой, связанный с ним по смыслу, ассоциативно и т.д.

Каждый античный образ - это своего рода разрыв с реальностью, речь, спецификой времени и места, в котором он озвучивается. Каждый античный образ живет своей жизнью (в силу его связи с другой реальностью). Я пришла к выводу, что нет смысла обнаруживать влияние античных образов на действительность, так как нет особой методики и нечем «измерить» это влияние, степень этого влияния. К тому же, весьма трудно устоять от попадания в ловушку психологизма (дескать, революционер читал античные тексты и они оказали влияние на становление его личности), чего, естественно, мне, как исследователю политической мысли в ее текстах, необходимо избежать. Поэтому важно исследовать само «поле» античных образов и их отношения между собой, «иерархию разрывов», которыми являются античные образы по отношению к эпохе Французской революции. Античные образы своим самостоятельным значением разрывают общую ткань политической мысли Французской революции. Самостоятельное значение античных образов предполагает их свободное внесение в любую другую реальность. Место и соотношение античных образов во Французской революции должно иметь вид функциональной сетки, что мне и

предстоит выяснить. Только так возможно обретение связи прерывности античных образов и политической мысли Французской революции.

Выявление новых свойств политических текстов Французской революции, правил функционирования античных образов - это и есть цель моей работы. Что сообщает пример античности?

Предварительным условием выполнения поставленной задачи является освоение современных исследовательских методик, характерных для новой интеллектуальной истории

В задачи моего исследования входят постановка и рассмотрение таких вопросов, как вопрос о «герое» и «враге» революции. Не о реально существующем герое, а о том, который формируют античные образы, не реально существующем враге, а опять-таки о том, который формируют античные персонажи. В связи с этим мне представляется важным воссоздать те качества, которые особенно привлекают революционеров в античных героях. Равно важны для меня и те, которые создают противоположный портрет.

Также, на мой взгляд, необходимо обратиться к такому понятию Французской революции, как «добродетель» - необходимой составляющей свободного, демократического государства, и к законодательному опыту античности как источнику формирования своего собственного и создания идеала законодателя-творца. Мне предстоит выяснить, каким образом это соотносится с античностью, какие черты античных высказываний остаются актуальными для теоретического осмысления действительности революционными деятелями.

Еще раз отмечу, что не предлагаю сводить всю политическую мысль к античным образам, но игнорировать эти необычные частности - значит, упустить ту область смысла, которая скрывается за каждым античным сюжетом.

Глава 1. «Герои» и «враги» революции

1. «Герои» революции и герой революции

«Герои» взяты в кавычки в заглавии темы неслучайно. Речь идет не о реальных деятелях революции, которых можно назвать ее героями, не об ее участниках, а о тех личностях, которые участвовали в революции, не живя в восемнадцатом столетии. Античные образы в революции, как боги-участники Троянской войны у Гомера - не люди зачастую сражаются, а их покровители или кумиры. Так и в революции - не люди выступают, клянутся, участвуют в партийной борьбе, а их античные герои действуют за них.

Почему Брут герой?

Кодекс революционера и идеальный революционер созданы из нескольких античных героев. Герой революции - идеальный тип, своеобразная конструкция, созданная из определенных черт, свойственных разным античным деятелям. Проверим?

Начнем с простого отрывка. Хочу еще раз обозначить, что цель моей работы - не охватить по возможности все высказывания, связанные с античными образами, а попытаться приоткрыть ту часть смысла, которая,

возможно скрывается за некоторыми из них.

Обратимся к цепи высказываний, в которых одно из главных мест занимает Брут. Имя этого античного деятеля очень популярно у Робеспьера, Сен-Жюста, Бабефа и Кутона. Первое высказывание, которого я коснусь - выступление Робеспьера «Ответ Жерому Петиюну» 30 ноября 1792 г. (в ответ на публикации Петиюна в газетах - «Речь Жерома Петиюна против Максимилиана Робеспьера»). В данный момент нет смысла уделять особое внимание перипетиям борьбы Робеспьера и Петиюна. Важно сейчас другое. Робеспьер приводит имена «мучеников человечества» и среди них оказывается Брут: «Читайте историю, и вы увидите, что благодетели человечества были мучениками за него. Агис был осужден эфорами за то, что хотел восстановить законы Ликурга; Катон зарезался; второй Брут был вынужден кончить жизнь самоубийством после того, как он убил тирана; сын Марии умер под ударами тирании; Сократ испил цикуту...»

В данном высказывании Брут занимает равное место среди достойнейших. Указанный отрывок - не первое упоминание о Бруте, но выбрано оно не случайно - в силу своей показательности. Далее в своем ответе Петиюну Робеспьер пророчит ему забвение потомков в противовес «героям будущих веков» - Бруту и Катону. Этот фрагмент - составляющая множества высказываний о Бруте. Можно сказать, что у каждого из рассматриваемых мною революционеров есть свой пласт текстов, посвященных Бруту.

Обратимся теперь к речи в Обществе друзей Конституции в связи с бегством короля 21 июня 1791г. Робеспьер говорит о предательском сговоре короля и Национального собрания, об опасности, которая угрожает свободе, опять отсылает нас к событиям связанным с Брутом: «Антоний командует легионами, которые хотят мстить за Цезаря... Нам говорят об единстве, о необходимости сплотиться вокруг одних и тех же людей. Но, когда Антоний расположил свой лагерь рядом с Лепидом и тоже повел разговор о единстве, то вскоре оказалось, что был только лагерь Антония, а Бруту и Кассию осталось лишь покончить самоубийством». В данном фрагменте неминуемая при известных обстоятельствах гибель свободы связывается с самоубийством Брута и Кассия.

В речи «О войне» (в Обществе друзей Конституции 25 января 1792 г.) Робеспьер ищет генерала, который бы командовал войсками, не подвергая опасности родину и свободу. Генерала - «человека, душа которого была бы по образцу античных душ, вроде Катона, Вашингтона, Брута, и этими именами я хотел лишь указать добродетельного героя, бесстрашного друга свободы и человечества». Здесь душа Брута - образец для подражания, символ добродетели и честности по отношению к отечеству. В дальнейших рассуждениях Робеспьера в указанной речи выясняется, что идеальный генерал - тот, который откажется от своих честолюбивых замыслов, чтобы уберечь спасенный от внешней опасности народ от низкопоклонства. Робеспьер не видит подобного человека среди своих современников. Таким образом, Брут выступает для Робеспьера,

недостижимым образцом республиканских добродетелей, идеалом, недоступным в современности.

Брут фигурирует и в числе тех, кто должен удостоиться памятника, а также в числе тех, кому должны быть посвящены пьесы, которые играют в театрах для защиты дела народа и свободы. Так, в речи «О бюстах Мирабо и Гельвеция» в Обществе друзей свободы и равенства 5 декабря 1792 г. Робеспьер говорит: «Мы должны чествовать не тех, кто проявит самые крупные таланты, а тех, кто завершит свой путь, с нерушимым усердием отстаивая человечество. Лишь двое, на мой взгляд, достойны здесь нашего признания - Брут и Ж.-Ж.Руссо. Мирабо должен пасть. Гельвеций также должен пасть. Гельвеций был интриганом, презренным остроумцем, человеком безнравственным. Он был одним из самых жестоких гонителей славного Ж.-Ж. Руссо, того, кто более всех достоин наших почестей». Брут появляется рядом с Ж.-Ж.Руссо - одним из популярнейших современников - философов и идейных вдохновителей революции. Брут достоин чести, он снова в ряду достойнейших, он все тот же борец за человечество.

Революционеры не сомневались в том, что пример Брута скажется на общей обстановке в стране положительно. С этим связаны постановления о репертуаре парижских театров: «Ст.1. Начиная с 4 числа сего месяца и до 1 сентября в театрах Парижа, указанных муниципалитетом, три раза в неделю играть трагедии о Бруте, Вильгельме Телле, Гае Гракхе, а также другие драматические пьесы, рассказывающие о славных событиях Революции и о добродетелях защитников свободы. Раз в неделю одно из таких представлений будет даваться за счет Республики» (Кутон Ж. О репертуаре парижских театров, 2 августа 1793 года). Любопытно, как это постановление перекликается с речью Робеспьера, «О средствах спасения государства и свободы», произнесенной в Обществе друзей конституции 10 февраля 1792 г., то есть за полтора года до него. Обращаясь к театрам, Робеспьер требует (судя по тону его обращения) вознаграждать авторов, рисующих «великие деяния героев родины и человечества», чтобы обезопасить общество от влияния «королевской развращенности». В этой речи фигурируют те же имена, что и в постановлении Кутона - Брут, Вильгельм Телль, Гракх.

Тем самым, Брут попадает в очень интересный ряд. Из энциклопедии Брокгауза и Ефрона можно почерпнуть следующее: «...жестокий наместник императора германского в Швейцарии фохт Геслер повесил на площади гор.Альторфа на шесте шляпу австрийского герцога и отдал приказ, чтобы всякий проходящий кланялся шляпе. Молодой крестьянин Телль, известный за отличного стрелка, не исполнил этого приказания, и Геслер присудил его за то стрелять в яблоко, положенное на голове собственного сына. Телль счастливо исполнил задачу, но затем он признался, что если бы попал в сына, то другой стрелой убил бы Геслера. Его отправили в тюрьму, но он убежал в горы, подстерег Геслера на дороге между скалами и убил его стрелой. Хронологически событие это приурочено к 1307 г.» Таким образом, Телль

убил жестокого наместника императора Германии в Швейцарии, то есть посягнул на саму неприкосновенность императорской власти.

О Братьях Гракхах можно выяснить такие сведения Тиберий Гракх был инициатором аграрного закона, по которому определялась высшая норма владения общественной землей. Крупные владения должны были быть урезаны, а излишки земли поступить в казну для раздачи определенными участками безземельными гражданам на условиях наследственной аренды. Получатели должны были платить за пользование землей умеренный оброк и обязательно возделывать ее. Кроме того, участки земли должны были считаться неотчуждаемыми. «Этот закон, наносивший удар крупному аристократическому землевладению... Друзья народного дела и сторонники коренных реформ убедились, что для успеха их начинаний необходимо прежде всего ослабить в политическом строе преобладание аристократии».

О Гае Гракхе узнаем следующее: в 123 г. он был избран трибуном. Предложил законы, имевшие своей целью соединить против аристократии все остальные классы населения. Это были: хлебный закон (о дешевой продаже хлеба бедным гражданам, жившим в Риме), дорожный закон о проведении новых дорог для мелких землевладельцев. Военный закон, облегчавший беднякам трудности военной службы. И закон об основании новых земледельческих колоний на юге Италии. «Все эти законы должны были доставить Гракху прочное большинство в народном собрании и деятельную защиту и помощь со стороны городского пролетариата, сельского населения и всаднического сословия». Оба брата погибли в борьбе за свои преобразования. Братья Гракхи предстают перед нами борцами за права земледельцев-бедняков, но самое главное, борцами против аристократии. Тиберий борется за равную долю землевладения у богатых и наделение земель бедных, а Кай (или в современном звучании Гай) идет еще дальше, выступая за права бедных и вступая в противостояние с сенатом и аристократией. Для революционеров они всегда в составе избранных и любимых героев.

Брут занимает в это ряду первое место. Современному человеку уместно задать вопрос: почему? Нам он известен, как заговорщик, убивший Цезаря по сути дела этот человек-предатель. Для революционеров он - герой. Вот что сообщает энциклопедия Брокгауза и Ефрона о Бруте. «Брут Марк Юний - известнейший между убийцами Цезаря... После битвы при Фарсале (48 г. до Р. Х.), он перешел на сторону Цезаря, который дружески принял его и дал ему в 46 г. в управление Цизальпинскую Галлию, а в 44 г. преторство, после чего он должен был получить в управление Македонию. И все-таки Брут стал главой заговора против Цезаря. Он получал с разных сторон анонимные требования, напоминавшие ему о происхождении от Брута, освободителя Рима от царской власти, и побуждавшие его к отпадению от Цезаря. Наконец, Кассий привлек его на свою сторону. Пример Брута побудил затем и многих знатных римлян примкнуть к заговору против Цезаря». В той же статье сказано, что после известных событий в противостоянии с Антонием Брут и Кассий покончили с жизнью. Итак, становится ясно, что

Брут - не просто заговорщик и предатель. Во-первых, он - избавитель от тирана. Во-вторых, он потомственный избавитель от тирана. Из статьи энциклопедии становится ясно, что своим участием в заговоре против Цезаря, Брут во многом обязан своему предку - Люцию Юнию Бруту, семейство которого преследовал Тарквиний Гордый, вследствие притязаний их на трон. Брут был свидетелем бесчестия и самоубийства Лукреции, жены Тарквиния Коллатина, и поклялся отомстить роду Тарквиниев. Так, он организовал низложение царя, бывшего вне города и избрание двух консулов на один год. Брут сам и стал консулом вместе с Тарквинием Коллатином (509 г. до Р.Х.). Тарквиний Гордый послал в город послов за частным имуществом, которые организовали заговор. В заговоре были замешаны два сына Брута. «Брут присудил к смерти собственных сыновей наравне с другими заговорщиками, приказал ликторам исполнить приговор и сам присутствовал при исполнении его». Сам же он погиб в сражении с Тарквинием, хотя победа стала за римлянами. Как видно из приведенной статьи, Рим был обязан своим консульством Бруту первому, который явился избавителем от единовластного правления царей. Брут Марк Юний таким образом, тоже избавитель от единовластия или тирании - от Цезаря. С той лишь разницей, что это не привело к смене правления. Хотя разница существенна, как заметит Робеспьер: «Что за важность, если Брут убил тирана? Тирания живет еще в сердцах, а Рим существует еще лишь в Бруте» (речь «О конституции», 10 мая 1793 года).

Действия Брутов по избавлению Рима от тиранов возведены революционерами в принцип. И способность быть последовательным в этом принципе ценится ими как никакое другое качество. То, что Брут первый и Брут второй могли поднять руку на царя или императора расценивается, как право принципиального революционера свергнуть тирана: «Поспешите же осудить короля, ибо каждый гражданин имеет на него такие же права, какие были у Брута по отношению к Цезарю», - требует Сен-Жюст в «Первой речи о суде над королем» в Национальном конвенте 13 ноября 1792 г.

Рим, о котором говорит Робеспьер в приведенном выше высказывании, - это воплощение революционной добродетели - патриотизма, верности принципам, способности пожертвовать всем, кроме собственной чести. Это тот идеал, к которому стремились участники революционных событий. Этот идеал недостижим, но в то же в одной из своих важнейших частей он реализован в Бруте.

Воспитанию в себе и в революции последовательности в принципах посвящено следующее высказывание Робеспьера: «...поведение Брута вполне применимо к нашему нынешнему положению. Я признаю, что дом Орлеанов проявил немало патриотизма; у меня нет никаких возражений против того, чтобы этой семье была выражена признательность, которую она заслуживает; но каковы бы, однако, ни были члены бывшей королевской семьи, они должны быть принесены в жертву чистоте принципов. Может ли нация быть уверена в том, что все члены этой семьи будут неизменно преданы принципам?» Принцип, а не человек

становится здесь героем. Робеспьер, Сен-Жюст и другие призывают не к предателям, не к участникам заговора, а к тем, кто верен принципу борьбы против тирании, тем, «кто в Европе и во всем мире прячет под одеждой кинжал Брута».

Почему Брут - герой стало ясно. Теперь стоит обратиться к другим «героям» революции. С кем соседствует Брут? Рядом с ним, как уже было показано выше, братья Гракхи. Список избранных героев можно продолжать.

Катоны, или почему плачет Бабеф?

Ситуация с Катонами менее спорна, чем с Брутом. Речь довольно часто идет о двух фигурах античной истории - о Марке Порции Катоне Старшем (234-149 до н.э., римский политический деятель) и о Марке Порции Катоне Младшем (95-46 до н.э.). Поскольку особое внимание в моей работе уделяется тексту, поэтому и здесь, как в случае с Брутом стоит следовать за различными высказываниями, которые в конечном итоге приведут к сложившемуся вновь особому тексту политической мысли.

Следует сразу отметить, что образ Катона во многом собирателен. Зачастую не совсем понятно, о котором из Катонов идет речь. Контекст не всегда отвечает на этот вопрос. И если в одном отрывке есть уточняющие детали - «вырвал внутренности», например, то в другом их просто нет. Есть Катон и он добродетелен. А какой из двух? Ситуации во многом возникают спорные, тем более что под руками есть только переводные публикации, а знания во французском ограничены стандартным набором фраз. Там, где это возможно, я буду обращаться к контексту. Там, где нет такой возможности, речь будет идти о Катоне, как о собирательном образе, воплощающем в себе и Катона Старшего, и Катона Младшего, тем более что они родственники, и оба олицетворяют привлекательные для революционеров типы личности. В нескольких случаях я позволю себе не согласиться с комментариями, данными к публикациям текстов, опять-таки, опираясь на контекст высказывания.

Катон (Младший или Старший) предмет восхищения революционеров. Особенные чувства вызывает Катон Младший, прозванный Утическим. Первое высказывание, к которому я обращаюсь, демонстрирует отношение Робеспьера к Катону Младшему: «Я восхищаюсь Катоном, громящим мятежников в Риме. Но Катон, с которым вы себя сравниваете, отнюдь не был орудием интриги, он боролся против Цезаря не для того, чтобы служить Клавдию, и его партией была партия родины». Высказывание относится к концу мая 1793г., к статье «Соображения об одной из главных причин наших бедствий». Речь идет о Катоне Младшем, поскольку его имя фигурирует рядом с Цезарем и Клавдием - теми персонажами, с кем связана история как раз Младшего из Катонов. В этом фрагменте Катон вызывает восхищение в силу его преданности родине. Еще одна причина такого отношения к нему - неучастие Катона в интригах, его верность. Совокупность высказываний о Катоне предоставляет возможность выяснить и другие его положительные качества, привлекательные для революционеров. Так,

Сен-Жюст в докладе «Об общей полиции», представленном Национальному конвенту 15 апреля 1794 г. превозносит его «энтузиазм»: «...Энтузиазм проявляется в настойчивой решимости защищать права народа в Конвенте; энтузиазм есть презрение к богатству, это мужественная простота нравов; энтузиазм есть добродетель, а не ярость». Итак, из двух фрагментов ясно, что к числу положительных качеств Катона относятся: его верность родине, неучастие в интригах, «энтузиазм», понимаемый, как настойчивость в защите прав народа и «простота нравов». Все это принадлежит к числу «добродетелей» Катона. «Добродетель», как понятие имеет собственную жизнь в политической мысли революции, в моей работе этому будет отведено отдельное место. В данной главе подробнее стоит остановиться на составляющих добродетели, раскрывающихся в лицах античных героев. В другом высказывании Робеспьера Катон также выступает носителем добродетели, находясь в одном ряду с Сократом. «Добродетель всегда была в меньшинстве на земле. Разве, в противном случае была бы земля населена тиранами и рабами?.. Критии, Цезари, Клодии были в большинстве, но Сократ был в меньшинстве, ибо он выпил цикуту; Катон был в меньшинстве, ибо он вырвал у себя внутренности». Здесь также идет речь о Катоне Младшем, так как именно он сорвал с себя повязку и истек кровью - что имеет в виду Робеспьер, говоря о вырванных внутренностях. В данном высказывании Катон является, наряду с другими персонажами, упомянутыми Робеспьером, служителем свободы, человеком способным погибнуть за нее. Как это сделал Сидней, представленный в этом же ряду, и погибший на эшафоте за свободу, по мнению Робеспьера. Автор речи уверен, что образец такой добродетели возможен в его время. Более того, он наделяет своих современников, соответствующих вышеупомянутым чертам, необыкновенной силой - полсотни таких людей заставят трепетать всех интриганов своего времени. В этом же отрывке Робеспьер предлагает и способ действий в духе борцов за свободу: первое, что необходимо сделать в ожидании всеобщего трепета перед лицом Добродетели - «наказать тирана», то есть Людовика XVI.

В следующем фрагменте Катон Младший снова демонстрирует верность отечеству: «...Цезарь и Помпеи добивались объявления войны, чтобы стать во главе легионов, и затем возвращались поработить свою страну при помощи солдат, которых она вооружила. Вы уже не солдаты Рима, вы лишь солдаты Помпея, говорил Катон римлянам, которые под командованием Помпея сражались за дело республики». Размышляя о губительных для Франции последствиях войны, Робеспьер обращается к античному примеру, давая понять, тем самым, что начинающаяся война - не во имя свободы, не за родину, а всего лишь плод интриг, хитрый уход от ответственности за события, способ перевести народные требования в другое русло. Защитник отечества сражается не за интересы полководца, а за само отечество, сообщает этим высказыванием Робеспьер.

К высказываниям, говорящим о добродетели Катонов относятся и спорные, с точки зрения принадлежности к одному из двух Катонов,

фрагменты. Например, спорным, на мой взгляд, является такой отрывок: «В Париже собрались итальянцы, банкиры, неаполитанцы, англичане, выдающие себя за лиц преследуемых на родине... Вы приняли закон против иностранцев, на другой же день вам предлагают сделать исключение для художников; еще через день все ваши враги становятся художниками, даже врачи;... Попробуйте напасть на них и вы увидите, как они сплочены. Заранее подготовленные, они подают друг другу реплики. Один разыгрывает из себя Катона, другой Помпея...» Именной указатель относит упомянутого здесь Катона к Катону Старшему, но в силу того, что в данном отрывке присутствует явное противопоставление Катона и Помпея, я осмелюсь сделать предположение, что речь все-таки идет о Катоне Младшем, так как он и Помпей объединены одними событиями и являются противниками (на указанных событиях я подробнее остановлюсь чуть ниже с опорой на Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона).

Другое спорное высказывание также принадлежит Сен-Жюсту и находится в речи «О дантонистах». Указатель имен также относит упомянутого здесь Катона к Катону Старшему, но, на мой взгляд, с такой же точностью его можно отнести и к Катону Младшему, так как контекст не указывает прямо ни на того, ни на другого, а речь опять-таки идет о добродетелях Катона. С большей вероятностью можно отнести этот фрагмент к Катону Младшему в свете указанного выше восхищения его добродетелью. Приведу этот фрагмент: «Дантон, после 10 августа у тебя было совещание с Дюмурье, когда вы клялись в неизменной дружбе и связали свои судьбы... Это ты, возвратясь из Бельгии, осмелился говорить о пороках и преступлениях Дюмурье с таким восторгом, как говорят о добродетелях Катона. Ты пытался подорвать общественную мораль, неоднократно выступая защитником людей развращенных, твоих сообщников». К Катону Старшему напрямую относится следующее высказывание Сен-Жюста из речи «В защиту Робеспьера» 9 термидора (27 июля 1794 г.). «Тиран общественного мнения! А кто вам мешает оспаривать уважение отечества, вам, упрекающим человека в том, что он это уважение снискал?! Катон изгнал бы из Рима, недостойного гражданина, который назвал бы красноречие ораторов, выступающих на трибуне, тиранией над общественным мнением». Здесь действительно имеется в виду Катон Старший, ставший, как известно, основоположником римской школы красноречия. Кроме того, в данном высказывании, можно наблюдать почтительное отношение к Катону, как человеку, который может определять достойных и недостойных граждан. Отношение это обусловлено качествами Катона Старшего - строгого цензора. В свою очередь, Сен-Жюст считает возможным для себя, как добродетельного гражданина своей эпохи, предположить за Катона Старшего, кто достоин.

Пришло время прояснить историю этих двух образов. Из Энциклопедического Словаря Брокгауза и Ефрона можно почерпнуть следующее: «Катон Марк Порций Старший,... прозванный также у римских писателей Цензором... В 195 г., он был избран в консулы... В 184 г. он получил цензуру. В этой должности он ознаменовал себя

необыкновенною строгостью: исключил семь сенаторов из сената... вычеркнул из списка всадников несколько лиц по маловажным предложениям (одного за толстоту, другого - за шутку во время цензорского смотра); особенно же ратовал против роскоши, облагая высоким налогом женские украшения и молодых рабов и всюду восставая против нарушения общественных интересов в пользу частных (напр., против захвата общественной земли при постройках и против злоупотребления общественными водопроводами)». Вот такой портрет предстает перед нами: строгий цензор, не признающий недостатков среди достойных, противник роскоши и борец за общественный интерес, блюститель чистоты нравов и сам являющий собой пример этой нравственной чистоты. Далее из статьи можно узнать о том, что врагов у такого нравственного человека было немало именно из-за его строгости к людям. Его привлекали к суду 44(!) раза, но он ни разу не был осужден! Это ли не свидетельство его глубокой порядочности и добродетели. Портрет весьма показательный в качестве идеала для революционера, открывающий те качества, которые должны быть свойственны этому идеалу: строгость к себе и к людям, нравственная чистота, превознесение общественных интересов выше личных, аскетичность. Прибавим сюда его политическую и военную деятельность и вот он - идеал.

Теперь посмотрим на младшего родственника: «Катон Марк Порций Младший в 65 г., получил квестуру... Как квестор проявил величайшую добросовестность... В 62 г., будучи народным трибуном, Катон обвинил консула Мурену в подкупе, стоял за казнь приверженцев Катилины, чем навлек на себя ненависть Цезаря». Кроме того статья, повествует о раздачах хлеба через сенат и о борьбе Катона с чрезмерными почестями, воздаваемыми Помпею, далее мы узнаем, что на должности претора, Катон Младший строго следил за правильностью выборов и был противником монархических притязаний Помпея. «Когда началась гражданская война, Катон был против уступок Цезарю и вместе с Помпеем бежал из Рима, надев с этого дня «траур по гибели отечества»...» Катон не смог перенести гибель своего отечества и, находясь на Утике, пытался покончить с жизнью. Рана была несерьезной, врач наложил повязку, но Катон сорвал ее и истек кровью. Этот момент описывает Робеспьер, говоря о добродетели, которая всегда в меньшинстве. А статья в энциклопедии завершается следующим образом: «И друзья, и недруги его отдают справедливость его твердости и постоянству;... Республике он пожертвовал всем, даже совестью (ограбив по поручению сената Кипр), и когда он понял, что ей пришел конец, он не хотел пережить ее». Преданность республике - главное качество, которое ценят революционеры в образе Катона Младшего. Способность умереть, не найдя в своем отечестве идеала, не найдя в своем отечестве своего отечества почитается за крайнее мужество, достойное восхищения и подражания.

В современности нет таких героев, нет такой добродетели, нет такого мужества. Все это осталось с Рима, который умер вместе с

Католами. По этим-то героям, идеалам и этому городу тоскуют революционеры. Робеспьер с раздражением вопрошает: «Можно ли от народа, воспитанного деспотизмом, и который, так сказать, лишь рождается для свободы, требовать, чтобы все его собрания граждан состояли исключительно из Катонов, Сократов или Ликургов? Особенно в Париже, в этом центре всех интриг и местопребывании самых могущественных врагов народа...?» Свобода потеряна, сейчас только рождаются новые ее герои, способные возродить этот идеал.

Та же тоска и грусть, те же чувства овладевают Сен-Жюстом, когда он говорит о событиях, связанных с Катонем Младшим. «Одно место из Сенеки вызывает у меня сочувствие к Катону, когда я думаю о нем: он едва достиг должности претора и так и не стал консулом, обладая столькими добродетелями. В Риме более не было отечества, все воплощал Цезарь. Когда я думаю, ... что свобода всегда предавала свои принципы ради завоеваний, что Рим после Катона умер, что чрезмерность римского могущества породила чудовищ, более отвратительных и надменных, чем Тарквиний, горечь разрывает мое сердце и останавливает перо».

Слишком слепа была римская свобода, слишком сильно сдерживали себя ее герои, поэтому не смогли ее сохранить. Как видим, высказывания о Катоне Младшем глубоко эмоционально насыщены - это бурный восторг его качествами и сильнейшая тоска и печаль по утраченному идеалу.

Почему же плачет Грахх Бабеф? Вот одно из его высказываний которое ясно объясняет причину (письмо Ж.-М.Купе 20 августа 1791 г.): «Мы обладаем этой столь редкой добродетелью спартанцев, добродетелью Дециев, Катонов, в основе которой есть, пожалуй, также и некий присущий нашей натуре недостаток, - я имею в виду гордость, своего рода внутренне тщеславие, убеждающее нас в том, что мы лучше многих наших братьев, и мы находим удовлетворение в мысли, что для вящего блага человечества мы должны были быть призваны управлять им». Бабеф отождествляет себя с античным героем и, таким образом, берет на себя ответственность за благо человечества. Принимая на себя качества Катона, он становится носителем добродетели, тех черт, которыми революционеры наделяют Катона - любовь к отечеству, республике, верность, честность...

С указанным фрагментом идейно перекликается «Письмо депутата от Пикардии», которое издано отдельной брошюрой в 1790 г., то есть годом ранее указанного выше документа. В «Письме» раскрывается конфликт между отношением к идеалу и собственными действиями. Говоря о праздновании дня федерации (14 июля 1790 г.), Бабеф разочарованно сообщает, что в то время как вокруг все кричали слова во славу короля и королевы, лишь он один и несколько бретонцев воскликнули: «Да здравствует родина», «Да здравствует национальное собрание». И здесь же находится высказывание, очень сильное по своей эмоциональности: «...Я забыл вам сказать, что 13-го король сделал смотр войскам с портика своего дворца. Депутаты Франции входили в

дворцовый сад по скрытой лестнице вперемешку с жуликами и куртизанками. Когда я поднял голос, жалуясь на это, кто-то посоветовал мне быть поосторожнее и добавил, что за порядочными людьми установлено наблюдение. Катон, несомненно, покончил бы самоубийством. Я не мог перенести такого оскорбления, и я вернулся к себе, чтобы там плакать». Приняв на себя добродетель Катона, Бабеф понимает, что и поступать он должен соответственно кодексу этой добродетели - на оскорбление, нанесенное отчеству, отвечать самоубийством, не желая в этом участвовать. Но, как он сам признается далее - «я заражен трусостью нашего времени», и поэтому Грахх Бабеф плачет. Как оказалось, можно представить себя идеалом, желая управлять людьми, но невозможно для XVIII в. быть последовательным в этом.

Еще немного «героях» революции - Демосфен, Фемистокл, Тит Манлий Торкват, Публий Корнелий Сципион Африканский, Аристид и другие

Состав избранных героев довольно широк. Продолжить его можно еще целым рядом совокупностей высказываний. Здесь же я его дополню еще несколькими именами.

Может создаться впечатление, что в состав избранных попадают только римляне, это верно, но не в полной мере. Греческие деятели тоже присутствуют. Связаны они чаще всего с войнами - греко-персидской, пелопонесской или войной с Македонией.

В отличие от выдающихся римлян, которые являются кумирами революционеров, греческие герои отнюдь не являются борцами с тиранией или образцами следования принципам. Почему же они занимают достойное место среди своих соседей?

Первый фрагмент, к которому стоит обратиться - это доклад Робеспьера в Конвенте 25 декабря 1793 г. «О принципах революционного правительства». Здесь встречается несколько интересных имен, поясняя которые можно найти те нюансы, которые и позволяют создать собственный текст античных образов. Фрагмент построен на примерах двух полководцев - греческого и римского. Робеспьер пламенно взывает к единству против врагов и обращается к излюбленной теме революционеров - добродетели. «Фемистокл обладал большим талантом, чем старый генерал, командовавший греческим флотом. Между тем, когда генерал в ответ на предупреждение, которое должно было спасти отечество, поднял на Фемистокла палку, последний довольствовался тем, что ответил ему - Бей, но слушай - и Греция одержала победу над всеми тиранами Азии. Сципион был вполне достоин любого другого римского генерала, но, победив Ганнибала и Карфаген, Сципион хвалился тем, что служил под властью своего врага. О, добродетель великих людей! Что значат перед тобой все волнения и все претензии мелких душ!.. О, отечество, разве у тебя меньше прав на представителей французского народа, чем имели Греция и Рим на своих генералов?» В другом издании это высказывание о Сципионе звучит несколько иначе: «Сципион стоил другого римского генерала: победив Ганнибала и Карфаген, он считал за

честь служить под начальством своего врага». О каких событиях идет речь поясняет Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Перед Саламинской битвой Фемистокл и спартанский начальник Эврибиад спорили о месте сражения. Эврибиад считал необходимым защищать Пелопоннес, где собиралось спартанское сухопутное войско. Фемистокл был против: «Когда в пылу спора Эврибиад хотел, будто бы, даже ударить Фемистокла, последний сказал: «Бей, но выслушай». Персидский флот стал против соединенного греческого флота, занявшего узкий пролив между берегом Аттики и островом Саламин» В результате греки одержали победу над персами.

Появление этого фрагмента, таким образом, не случайно. Робеспьер говорит в докладе о необходимости забыть свои частные интересы, обратиться к античной добродетели. Добродетель Фемистокла заключается в том, что он готов был снести оскорбление со стороны спартанского генерала, только бы войска послушали его. Победа отечества важнее для Фемистокла чем его личные интересы.

Публий Корнелий Сципион Африканский встретил противодействие своей идее высадиться в Африке, в то время как Ганнибал был еще в Италии. Противодействие исходило от диктатора Фабия Максима, который в тот момент обладал полномочиями вести военные действия против Ганнибала. Сципион получил поддержку в обществе, к нему присоединились многие добровольцы. После победы над Ганнибалом он принял один триумф, все другие почести отклонил. Таким образом, римский военачальник также поступил своими интересами, пойдя против диктатора и в то же время оставаясь у него на службе. Победа отечества была для него превыше всего.

Эти два героя античности интересны Робеспьеру прежде всего из-за одного своего качества - любви к отечеству. В связи с этим они появляются страницах доклада Робеспьера. Далее в этом же докладе Робеспьер восклицает: «Если мы считаем, что функции революционного правления не являются более тяжелым долгом, а являются предметом честолюбия, тогда республика уже погибла». Служение отечеству - тяжелая обязанность и высшая добродетель, в которой нет места честолюбию. Пример тому - античные образы.

Демосфен также является примером добродетельного героя. Знаменитый оратор, вдохновитель борьбы против Филиппа Македонского он, как сказано в Словаре: «... достигал успеха не стремлением к эффектам, но нравственной силой, благородством мысли, любовью к родине, ее чести, ее славе и ее прошлому». В связи с образом Демосфена возникает уже встречавшееся ранее чувство тоски по утраченному. Так, в докладе Конвенту от 5 февраля 1794 г. «О принципах политической морали» Робеспьер с горечью восклицает: «Демосфен мог сколько угодно громить Филиппа, Филипп находил в пороках вырождающихся Афин более красноречивых адвокатов, чем Демосфен! Есть еще в Афинах население, более многочисленное, чем во времена Мильтиада и Аристиды, но нет больше афинян». Афинская нация уже умерла. И один добродетельный герой уже не мог ее спасти. Более того,

по мнению Сен-Жюста, Демосфен способствовал гибели Афин. «Демосфен способствовал гибели Греции. Его влияние определило общественное мнение, направив его против того, что могло спасти отечество. Он ограничился советами, которым никто не следовал. Греция была развращена; ей нужны были революция и другие законы. Прежние законы уже не обладали достаточной силой, чтобы противостоять военному гению Филиппа...» Перенося взгляды своего времени на события античности, Сен-Жюст считает, что только значительное «изменение в государственном правлении» могло спасти Грецию, а личное мужество и преданность отечеству знаменитого оратора только погубили ее.

Остается еще раз отметить, что образ Демосфена имеет двойственное значение. С одной стороны - это еще один добродетельный гражданин, добавляющий в кодекс революционера такие черты, как преданность и служение отечеству, способность противостоять общественному мнению и обратить его в пользу отечества. С другой стороны образ Демосфена содержит в себе тоску по утраченному идеалу. Идеалу государственного устройства и общенародной добродетели. Добродетель остается в сердце одного гражданина, в то время как в сердце народа она уже умерла.

Еще один афинский герой, чье имя встречается достаточно часто - Аристид, выдающийся полководец, известный своей честностью и преданностью отечеству, который отличился в марафонском сражении, а сразу же по возвращении из остракизма, принял активное участие в войне с персами, в Саламинском сражении. Аристид также является примером человека, лишённого всякого личного интереса, честолюбия и любви к роскоши. Так Робеспьер считает, что «друзья свободы не будут стремиться к богатству. Аристид не стал бы завидовать сокровищам Красса».

Для Марата Аристид является одним из любимых героев. Марат постоянно ищет его среди современников, и не находит. В своих ответах на вопросы о том, как сделать народ свободным и счастливым, Марат пишет: «Все это уже сотни раз заставляло меня думать о низости г-на Мотье; с присущим ему искусством привлекать к себе солдат парижского гарнизона, если бы он обладал возвышенным сердцем, он мог бы превзойти Аристиду...» Господину Мотье не хватает «верности отечеству» и «приверженности справедливости». Этих же качеств не находит Марат и среди многих других своих современников, поэтому он неоднократно выступает против превознесения их в общественном мнении.

Таким образом, Фемистокл, Демосфен и Аристид добавляют к необходимым качествам революционера любовь к отечеству и способность всеми способами защищать его от врагов, мужество в противостоянии общественному мнению, честность, верность общественным интересам.

2. «Враги» революции

Особенности смысла, вложенного революционерами в своих «героев», стали ясны. На предыдущих страницах сложился своеобразный кодекс революционера.

С кем же сражаются «герои»? И кому противостоят герои революции в XVIII веке? Теперь меня интересует смысл, который скрывается за антиподами «героев».

Тираны, или чем плох Цезарь?

У каждого из революционеров, рассматриваемых мною в этой работе, есть свои «враги» революции. Особенно много борьбе с ними уделяют Сен-Жюст и Робеспьер. Состав этих врагов, как и состав героев практически одинаков. «Врагов» условно можно свести к двум категориям - это тираны, и предатели. В связи с введением в свой текст образов античности, революционеры поднимают очень важную для них тему - тему тирании, как способа правления, ненавистного революционерам. Эта тема также вскрывает еще один вопрос, нюансы которого стоит рассмотреть подробнее: почему величайший полководец, почитаемый до сих пор, император Рима является одним из гнуснейших врагов революции?

Начнем с отрывка, который отчасти укажет нам ответ на этот вопрос. «Во время смут и мятежей военачальники становятся арбитрами судьбы своей страны, и склоняют чашу весов на сторону той партии, к которой они примкнули. Если это Цезари или Кромвели, они сами захватывают власть». Военачальники самовольно захватывают власть, становясь правителями. Власть, следовательно, попадает в их руки незаконно, через силу. Отнимают они ее у суверена - народа, у республики, у закона, тем самым становясь узурпаторами. Тираны, являются преступниками уже по способу захвата своей власти. Поэтому любой, кто держит всю полноту власти в своих руках, является преступником и «врагом» революции.

В докладе Конвенту 5 февраля 1794 г. «О принципах политической морали» Робеспьер говорит о событиях, связанных с раскрытием заговора Катилины: «В Риме, когда консул (имеется в виду Цицерон - Р.У.) обнаружил заговор и тотчас же подавил его, умертвив сообщников Катилины, он был обвинен в нарушении формальностей... Кем? Честолюбивым Цезарем, который хотел увеличить свою партию бандой заговорщиков, Пизоном, Клодием и всеми дурными гражданами, которые сами боялись добродетели истинного римлянина и строгости законов». Здесь Цезарь напрямую обвиняется в честолюбивом стремлении к захвату власти. Причем Робеспьер еще и уличает его в том, что он не брезговал самыми подлыми людьми и методами для достижения своей цели. Обвиняет небезосновательно. Как становится ясно из статьи Энциклопедического Словаря, всего Цезарь предпринял две попытки взять власть в свои руки, отдельно от него, но не без его сочувствия, Катилина организовал еще два заговора. По плану первого заговора сообщники Цезаря - Луций Пизон и Катилина должны были убить двух

консулов, чтобы их место заняли другие, отстраненные от власти в результате осуждения по обвинению в подкупе, консулы. Привожу здесь только общие сведения, без особого пояснения имен и событий в связи с тем, что важна их нравственная характеристика, а не строгая последовательность в объяснении фактов. Как видим, Цезарь наделен отнюдь не теми чертами, которые относятся к революционному идеалу. Ему свойственны честолюбие, стремление к власти любой ценой, пренебрежение принципами. Кроме того, он стремится завоевать власть, отняв ее у сената и правительства - законных органов управления. Прибавим к этому его сообщников, которым не чужды заговоры, предательства, убийства и подкуп - и получается очень непривлекательный портрет. Честолюбивые замыслы Цезаря осуществились после смерти Помпея, когда он постепенно сосредоточил всю полноту власти в своих руках. Но тогда, в результате смуты и фактической гражданской войны погибает в интригах сам Рим, тот, которым, в XVIII веке восхищаются и по которому тоскуют революционеры. Таким образом, мало того, что Цезарь относится к тиранам, он очень непривлекателен с нравственной стороны, он еще и участник событий, повлекших гибель Рима.

При общей ясности отношения революционеров к тиранам, стоит привести здесь еще несколько фрагментов, связанных одной мыслью, которые добавят некоторые нюансы.

В речи «О смертной казни», прочитанной в Национальном собрании 30 мая 1791 г., Робеспьер говорит: «В каждой стране удачливые узурпаторы, оказавшись достаточно могущественными, чтобы развратить и утратить своих сограждан, заявили: тот, кто дерзнет замыслить что-либо против нас, против нашей власти, будет караться смертью... тирания изобрела преступление, именуемое оскорблением монаршего величества... которые могли быть искуплены только кровью». Фрагмент ясно дает понять, что тираны не только захватывают власть, они беспринципны, честолюбивы, но еще и сами, будучи преступниками, придумывают преступления и кары за них!

В связи с тем, что тираны - это враги республики, народа и принципов добродетели, революционерами оправдывается их казнь. Переноса события античности на современность, и Сен-Жюст, и Робеспьер видят в Людовике XVI узурпатора власти и оба требуют его смерти. Так, Робеспьер пишет: «Разве необходимость покарать тирана подвергалась сомнению в какой-нибудь республике? Разве Тарквиний был предан суду? Что сказали бы в Риме, если бы некоторые римляне осмелились назвать себя его защитниками? А что делаем мы? Мы призываем отовсюду адвокатов для защиты Людовика XVI». Тарквиний Гордый также воспринимается революционерами, как тиран, поэтому он и появляется в одном ряду с Людовиком, сюда же можно добавить и Цезаря, и Пизистрата, а также монархов - современников Робеспьера и Сен-Жюста.

В таком же возмущенном тоне, как и Робеспьер о казни монарха высказывается Сен-Жюст: «Когда-нибудь поразятся, что в XVIII веке люди

были более отсталыми, чем в эпоху Цезаря. Тогда тирана умертвили на глазах всего сената без всяких иных формальностей, кроме двадцати трех ударов кинжалом, без всякого иного закона, кроме свободы Рима. А ныне с чрезвычайной почитательностью вершат суд над убийцей народа, застигнутым на месте преступления, с руками, обгавленными кровью». Очевидна мысль Сен-Жюста - тиранов необходимо убивать на месте, так как они сами прежде всего являются преступниками, и повинны в первую очередь перед своим народом.

Кроме высказываний о ненависти к тиранам революционеры в своих речах пытаются найти способ противодействия им. Робеспьер отмечает, что «волнения могут быть частыми и опасными только в рождающейся республике или в умирающей республике. В первой законы еще не обрели всей своей силы; во второй, они ее уже теряют. В то время, как Тарквиний осаждает Рим, молодые люди его двора и все развращенные граждане плетут заговор с целью вновь заковать Рим в цепи. Позднее всякие Суллы, Марии, Цезари, Помпеи стремятся похоронить свободу Рима в могиле ее последних защитников». Тираны и их сообщники найдут путь «развратить» республику при условии ослабления в ней законов. Поэтому необходимо создать твердые законы, чтобы на них воспитать граждан, способных противостоять узурпаторам.

Об этом же пишет Сен-Жюст в трактате «Дух революции и Конституции во Франции»: «Не Цезарь поработил свое отечество, просто законы пришли в упадок, и Рим быстрыми шагами шел к монархии».

Таким образом можно заметить, что с образом «врагов» революции - тиранами связаны несколько важнейших идей революции. Идея о развращенности монархического строя, о необходимости борьбы с узурпаторами власти, идея о создании твердых установлений - законов, которые бы позволили республике противостоять тирании.

В отличие от «героев» революционеры находят тиранов среди современников - это монархи. Находят они и тех, чьи поступки также наводят на мысль об узурпации власти и о развале республики. Кроме того, назвать кого-либо тираном, значит прямо сказать о его качествах, как революционера и человека. Достаточно назвать имя одного из античных узурпаторов, чтобы нанести современнику оскорбление и ясно представить его истинное лицо другим современникам. Так поступает Сен-Жюст в речи «О жирондистах»: «...Они намереваются присоединиться к Вандее, если судьба им улыбнется и позволит окончательно снять с себя маску. Лион в таком же состоянии: Прива - хладнокровный, скрытный, таящий в себе свой пыл, Менис - генеральный прокурор, приторно любезный; Куанде неистов, его легко подбить на дерзкую выходку, - вот главные тираны, угнетающие народ Лиона, тираны более гнусные, чем Пизистрат; они велют резать сына, который просит у них вернуть ему отца, и мать, оплакивающую сына».

Ко всему сказанному остается только добавить замечательное высказывание Робеспьера: «...некоторыми нюансами в отношении коварства и жестокости все тираны похожи друг на друга». Таким образом, все тираны и древности, и современности, оказываются

связанными друг с другом благодаря своим отрицательным качествам - жестокости и коварству.

Предатели

С темой тиранов и борьбы с узурпаторами соседствует тема предателей. По сути тираны тоже являются предателями. Они предают свободу, законы и отечество в угоду своим личным интересам.

Рассмотрим цепь высказываний, относящихся к предателям. В этот ряд может попасть любой деятель античной истории, который так или иначе показал свою отрицательную или неидеальную сторону характера - пренебрег общественными ценностями в угоду личным интересам, обладал честолубием и страстью к богатству. Все это может повлечь за собой предательство отечества, республики, свободы, честности. Здесь стоит остановиться на двух фигурах, оценка которых не может быть спорной - это грек Синон и Луций Сергий Катилина - это, пожалуй, самые популярные предатели революции.

Грек Синон фигурирует в речах Сен-Жюста, например в докладе «О законе против англичан», представленном Национальному конвенту 16 октября 1793 г. говорит: «Здесь предлагали сделать исключение для англичан, уже давно живущих во Франции. Ваш комитет обстоятельно обсудил этот вопрос; в Трое допустили для греков лишь одно исключение, для Синона... Кто может поручиться за англичан, если столько французов злоумышляют против своей родины!» Как видим, синоны встречаются повсеместно среди современников и их влияние не вызывает положительного отношения Сен-Жюста. Из соответствующей статьи Энциклопедического Словаря можно почерпнуть следующие сведения - Синон, являлся родственником Одиссея, участником Троянской войны. С его именем связан эпизод с троянским конем, ставший гибелью для Трои. После постройки коня, Синон под видом преследуемого на родине пробрался в Трою. Он убеждает троянцев затащить коня в город, говоря, что тот построен, чтобы умиловать Афины, прибавляя к этому, что если они установят коня у себя на акрополе, то выйдут победителями из войны. Синон в статье назван «вероломным», поступок его - умышленное предательство доверия троянцев. В условиях зарождающейся республики, когда число «героев» ничтожно мало, когда еще только необходимо воспитывать истинных патриотов, для которых любовь к отечеству будет превыше всего особенно остро встает вопрос об уничтожении предателей и тем более, противодействии появлению новых. Поэтому имя Синона становится нарицательным, его вероломство ищут в современниках, чтобы избежать участи троянцев.

В случае с Синоном происходит прямое отождествление этого образа и современных революционерам врагов. Подобная особенность этого образа ясно просматривается в докладе, представленном Национальному конвенту 13 марта 1794 г. «О фракциях, направляемых из-за границы»: «В Париже собрались итальянцы, банкиры, неаполитанцы, англичане, выдающие себя за лиц, преследуемых на родине. Эти новоявленные Синоны проникают в народные собрания, где прежде всего начинают

метать громы против правительств своих стран; они пробираются в приемные министров; они следят за всем; они прокрадываются в народные общества; и вот уже мы видим тесно связанными с магистратами, которые им покровительствуют. Вы приняли закон против иностранцев, на другой же день вам предлагают сделать исключение для художников, еще через день все ваши враги становятся художниками, даже врачи; и если начинают преследовать этих вдохновителей заговоров, все удивляются тому, каким они пользуются доверием». В этом фрагменте Сен-Жюст отмечает черты Синона у современников - врагов революции, существующих в реальности - способность быстро завоевать доверие, продвинуться по служебной лестнице, найти покровителей, подстроиться под любые обстоятельства и организовать заговоры. Предатели оказываются полной противоположностью «героев» революции, но именно этим противоположностям есть место в ее реальности.

Трактовка образа Катилины несколько сложнее, чем трактовка образа Синона. Высказывания, касающиеся этого римского политического деятеля, являются многогранными и интересны тем, что содержат в себе несколько взаимосвязанных идей. Сен-Жюст сравнивает его с Людовиком: «Людовик - второй Катилина; подобно римскому консулу, убивший его будет убежден, что спас отечество... Изменник не был королем французов, он был королем кучки заговорщиков». В предыдущем параграфе, как мы помним, рядом с именем Людовика появлялись имена Цезаря и Тарквиния Гордого, он являлся тираном, которого необходимо казнить, несмотря на то, что на это нет законодательных полномочий.

Идея о том, что во имя спасения свободы можно оттеснить закон появляется в связи с именем Катилины довольно часто. Применение чрезвычайных мер оправдывается революционерами при помощи событий заговора Катилины. Так, Робеспьер в речи в Национальном конвенте «Ответ на обвинение Ж.-Б.Луве», 25 ноября 1792 г. говорит: «Новый муниципалитет обвиняют в якобы незаконных арестах, хотя ни один арест не был произведен без допроса. Когда римский консул подавил заговор Катилины, Клавдий обвинил его в нарушении законов».

Эта же мысль звучит и в высказывании Сен-Жюста в докладе, представленном Национальному конвенту 15 апреля 1794 г. «Об общей полиции»: «...аристократия верная своим принципам, стала обвинять правительство в притязаниях на диктатуру. С каких пор враги революции стали проявлять столь живой интерес к поддержанию свободы? Или они обвиняют ее в чрезмерной суровости по отношению к ним и к заговорщикам? Счастливы те, кого можно упрекнуть, что они были беспощадны к врагам отечества! В Риме не нашлось никого, кто, забыв стыд, объявил бы актом тирании суровые меры, принятые против Катилины; но Рим тогда любил свободу. Один только Цезарь сожалел о гибели предателя и утверждал, что свобода, которую он сам вскоре уничтожит, была попорчена в лице Катилины». Это высказывание ясно показывает, что Сен-Жюст не считает неприемлемым использование

чрезвычайных мер для поддержания свободы, и в этом мнении его укрепляют события связанные с Катилиной. Энциклопедический Словарь сообщает, что сенат также пошел на чрезвычайные меры и нарушил закон, осудив Катилину и его сообщников на смертную казнь. Этому способствовал Цицерон, произнеся свои четыре знаменитые катилинарские речи.

Акт осуждения Сенатом Катилины рассматривался революционерами, как акт справедливости, последнее торжество свободы в умирающем Риме. В свете античной борьбы с предателем деятели революции разворачивают собственную борьбу с врагами, освещенную высказываниями об античной справедливости: «Смерть - ничто, лишь бы восторжествовала революция; настал день славы, день, когда римский сенат вступил в борьбу с Катилиной, день, когда навсегда будет упрочена общественная свобода. Ваши комитеты ручаются вам, что проявят героическую бдительность». Так говорит Сен-Жюст в докладе, представленном Национальному конвенту 4 апреля 1794 г. «О новом заговоре».

Таким образом, высказывания о Катилине создают следующую картину. Катилина предстает своеобразным перевертышем, те, кто заступаются за него говорят о защите свободы (как Цезарь) и те, кто выступает против него говорят о защите свободы и справедливости (как Цицерон). Образ Катилины, как никакой другой вписывается в действительность XVIII в. любого, кто попирает свободу могут назвать Катилиной, но и того, кто предпринимает меры против предателей могут назвать Катилиной, причем эти же самые предатели. Катилиной «клеят» самых ненавистных. Так, в предыдущем параграфе Людовик был связан с Тарквинием, Цезарем и другими тиранами, в высказываниях этого параграфа он - предатель - Катилина. Устранение Катилины в своем отечестве является подвигом, равным устранению тирана. Борьба с Катилинами-современниками - это борьба за свободу своего государства. Имя этого античного предателя очень удобно для того, чтобы одним словом обвинить кого-либо в противодействии республике. Катилина четыре раза участвовал в заговоре, цель которого была - захват власти и сосредоточение ее в одних руках. Следовательно, назвать кого-либо из современников Катилиной, значить обозначить либо тирана, либо предателя дела свободы, то есть, человека, стремящегося к власти ценой преступления закона.

Глава 2. Законы и мораль революции

1. Проблема законодательного опыта в революции

Внимание к законодателям античности, равно, как и античному законодательному опыту свойственно высказываниям революции. К началу событий революционеры были еще очень молоды: Сен-Жюсту был 21 год, Робеспьеру - 31, Бабефу - 29 лет.

Оказавшись у власти надо было как-то решать проблемы связанные с ней. Особенно это стало актуально начиная с осени 1792г. Надо сказать, что кроме текущих законодательных актов речей и докладов

революционеры занимались и теоретическим осмыслением законодательного опыта. Пример тому - Сен-Жюст, который оставил после себя три трактата: «Дух Революции и Конституции во Франции», «О Природе, о Гражданском состоянии, о Гражданской общине, или правила независимости управления», «Республиканские установления». Наверняка перед этими гражданами стояла проблема того, где получить законодательный опыт. Иначе парадоксальная складывается ситуация: власть монархии свергли, тирана устранили, с врагами боремся, а какие дать установления, не знаем. Обратиться тогда можно было к опыту Великобритании или США, то есть современников, но вот опыт античности, особенно в нравственном его осмыслении оказался ближе, чем любой другой.

В результате произошло во многом замещение собственного опыта, отсутствующего по молодости или не подходящего к какому-либо событию, опытом древних.

Здесь мне хотелось бы обратиться к общим категориям, таким как: законодательный опыт и идеал законотворчества, и добродетель революции. Эти категории безусловно взаимосвязаны с отдельными античными персонажами. И это момент уже встречался в предыдущей главе в связи с составом избранных героев и кодексом революционера. Например, понятие или категория «добродетель» встречается рядом с идеалом революции повсеместно. Мне бы хотелось выяснить нюансы и составляющие этого понятия. А также его взаимосвязь и способ взаимодействия с другими понятиями революции.

Прежде всего обращусь к проблеме законодательного опыта революционеров. Рассмотрен этот вопрос будет через призму античных образов - легендарных законодателей. Которым, как и остальным интересовавшим меня персонажам, посвящены целые пласты высказываний, дающие возможность составить из них абсолютно новую картину. Моей целью будет не установить степень влияния и связь законодательства эпохи революции и античности, а увидеть то ценное, что искали революционеры в образах античных законодателей для себя. Законы - гарант свободы, поэтому мне предстоит рассмотреть взгляды революционеров на то, как эту свободу можно установить и каким способом удержать.

Античные образы формируют несколько сетей высказывания, которые могут быть объединены отношением к законодательному опыту. Совокупности высказываний - своеобразные составляющие этого понятия. И, конечно же, сам законодательный опыт неотделим от лица законодателя. Черты законодателя дарят нам образы легендарных царей древности. Это персонажи греческой цивилизации - афинский царь Кодр и политический деятель Солон, законодатель Спарты - Ликург и легендарный царь Крита - Минос.

С характеристики отношения к этим античным персонажам я считаю нужным начать рассмотрение вопроса о поисках законодательного опыта. Законодатели относятся к особой категории сюжетов. Это не состав избранных героев, так как они не подходят под черты, характерные для

Брута или Катонов. Им не свойственны безграничная любовь к отечеству или борьба с тиранией, возведенная в принцип. Это не враги революции - не тираны или изменники и не предатели. Но зато законодатели наделены своими собственными, не менее замечательными, качествами.

Особое место легендарным законодателям выделяет в своем политическом творчестве Л.-А.Сен-Жюст. Образ творца законов - один из любимых его политических сюжетов. Первое высказывание как раз иллюстрирует то особое место, которое занимают законодатели: «...Я знаю, что те, кто стремился к добру, часто погибали. Кодр бросили в пропасть; Ликургу выбили глаз злодеи в Спарте, которым досаждали его суровые законы, и он умер в изгнании... Все они творили добро; даже если их страна не воспользовалась этим, оно не осталось сокрытым от Божества. Таким образом, легендарные цари Ликург и Кодр, являясь по принадлежности к монархам тиранами, оказываются творцами добра для своей страны. Добро это известно Божеству, причем известно как в случае если страна одарила почтением своих благодетелей, так и в противном. В связи с этим фрагментом возникает идея о том, что законодатель в своем сердце заключает все те законы и установления, которые он даст своему народу. Отсюда появляется и свой кодекс правил и свойств законодателя. Как видно из следующего фрагмента, эти черты весьма своеобразны. «Законодатель управляет будущим; ему нельзя быть слабым; именно он должен возлюбить добро и увековечить его; именно ему надлежит сделать людей такими, какими он хочет их видеть. По мере того как законы одушевляют общественный организм, бесчувственный сам по себе, они порождают добродетель или преступления, добрые нравы или жестокость. Добродетель Лакедемона была заключена в сердце Ликурга, а непостоянство жителей Крита - в сердце Миноса». В этом высказывании законодатель предстает перед нами, не только как создатель законов. Сен-Жюст наделяет его и еще одним важным свойством - он «создает» людей посредством закона. Причем создает по своему умыслу «такими, какими он хочет их видеть». Таким образом, это уже не просто создатель различных законов, это - творец людей и народов. Поскольку он творец, то на его совести все то, что происходит в результате его творения. Более того, сам законодатель в своем сердце заключает будущее, а значит, приобретает особую важность его личная добродетель. Поддерживает эту мысль высказывание Робеспьера, прямо указывающее путь к успеху законодательства: «...ибо величайшие законодатели - это те, кто строил законодательство на нравственности. Аристид завоевал один, свою добродетелью, голоса не только своей родины, но и всей Греции». Таким образом, самое ценное законодательства, которое построено на нравственности. Это лучшее, что можно придумать.

К сожалению, выяснить черты составляющие добродетель законодателя не доступном мне материале не возможно в том объеме, в каком это было продемонстрировано мной в первой главе относительно героев. Слишком много в данном случае будет моей личной интерпретации, что я считаю недопустимым. Поэтому я считаю

необходимо рассмотреть еще ряд высказываний, касающихся именно законодателя, точнее образцов необходимого законодателю поведения, а потом перейти к другим составляющим законов. Способ эффективного введения необходимых законов раскрывается в следующем фрагменте: «Ликург отлично понимал, что его законы трудно ввести, но если они однажды укоренятся корни их уйдут глубоко; все это известно. Он передал власть над Лакедемоном сыну своего брата и, когда убедился, что из уважения, которое он, Ликург внушает, его законы будут соблюдаться до его возвращения из Дельф, отправился в изгнание; в Лакедемон он больше не вернулся и наказал, чтобы кости его были брошены в море. Лакедемон хранил его законы и процветал долгое время». Итак, законодатель должен хорошо понимать ситуацию, в которой находится его народ, знать возможности введения законов. Он должен обладать такими личными качествами, которые будут внушать уважение и к нему и к его законам, даже если он покинет государство. Тем более, что дав законы народу, он должен его покинуть. Вероятно, последнее связано с боязнью тирании - сосредоточения власти законодательной и исполнительной в одних руках. Пример Ликурга, который по преданию покинул город после установления законов как никакой другой подходил к образцу поведения законодателя.

Следующее высказывание является продолжением темы особой миссии законодателя. «Конституция, основанная на предписаниях, недолговечна; предписания - это принципы законов, но еще не сами законы. Законы, которые должны быть отношениями, становятся не более чем отдельными поучениями, которым они рано или поздно уподобляются под действием насилия и из-за недостатка гармонии. И тогда принципы свободы при отсутствии законов или их неприменении допускают злоупотребление властью. Права человека были заключены в голове Солона; он не записал их, но он их освятил и осуществил». Здесь наблюдается то же мнение - законодатель носит принципы в себе, в своем сердце, его задача - привить свое нравственное состояние народу. Это удастся сделать, если законы будут не просто установлениями на бумаге, а отношениями, то есть устоявшимися совокупностями правил, определенным естественно существующим порядком. Закрепить этот порядок может авторитет личности и освящение личностью этих законов. Вторит Сен-Жюсту Кутон, который чуть ли не слово в слово повторяет предыдущую мысль: «Законодательный акт, остающийся лишь на бумаге, оказывается даже вреден из-за того, что заставляет сомневаться в силе и добродетельности правительства. Ликург прославлял среди спартанцев простоту и умеренность, и спартанцы были просты, скромны и выносливы. Будем же славить у нас честность и нравственность, и французы будут и добродетельны».

Поскольку именно законодатель творит законы исходя из своего сердца - нравственности и освещая своей фигурой установленные отношения, то именно ему принадлежит право толковать законы. Эту мысль приводит Робеспьер в речи «Об организации кассационного суда», изложенной в Учредительном собрании 24 мая 1790 года. Опираясь на

античный пример, то есть, обращаясь к весьма далекому, но все-таки весьма значимому поводу, он проводит мысль о том, что кассационный суд должен находиться в недрах законодательной власти. Вот та аргументация, к которой прибегает Робеспьер: «...римское законодательство придерживалось правила, что толкование законом принадлежит тому, кто создал закон...Римляне поняли, что если бы власть, иная, чем власть законодателя, могла толковать законы, то она в конце концов изменила бы их и поставила бы свою волю выше воли законодателя».

Итак, портрет законодателя обрел свои краски, теперь стоит перейти к высказываниям, характеризующим особенности законотворчества. Следует отметить, что революционеры придавали большое значение ситуации законотворчества, а также способности законодателя видеть момент. Также волнует революционных деятелей способ государственного устройства. Возможность организовать его таким образом, чтобы уберечь народ от тирании. Все эти темы звучат в следующей цепи высказываний, относящейся, как и предыдущая группа, к поиску гарантий существования необходимого законодательства.

Сен-Жюст рассуждает о способе управления государством и ищет в нем защиту законов и народов от тирании. Так появляется весьма интересное суждение о том, как во Франции соединить демократию и любовь к королям: «Франция соединила в себе демократию, аристократию и монархию. Первая образует гражданское состояние, вторая - законодательную власть, третья власть исполнительную...Франция приблизилась к народному государству, насколько это было возможно, и унаследовала от монархии только то, от чего не могла отказаться; тем не менее исполнительная власть осталась в ней верховной властью, дабы не оскорбить любовь Франции к королям. Когда Кодр погиб, разумные люди, желавшие установить свободу, объявили Цезарем Афин Юпитера». Сен-Жюст учитывает многовековую традицию королевской власти и, опираясь опять-таки на античный опыт, анализирует сложившуюся во Франции систему управления. Только приняв во внимание существующие условия, можно избежать возврата к тирании. Конституция, основанная на существующем порядке и, служащая гарантом нравственности, способна защитить от тирании. Об этих взглядах на особенности государственного и законодательного устройства говорит следующее высказывание: «Конституция французов должна разоблачить перед всей Европой нелепость королевской власти, показав, что она лишена цели, представительства, нравственности. Конституция должна быть простой, легкой в установлении, исполнении и распространении. Нравственность сильнее тиранов... Революции, свершившиеся в умах людей, пожирают тех, кто выступает против них. Ликургу выбили глаз, Лакедемон следовал его законам. Тираны борются с вами: пусть же они испытают на себе силу ваших законов». К данному высказыванию примыкает по смыслу еще одно, в котором также ясно прослеживается мысль о конституции как гаранте защиты свободы народа от узурпатора власти. Античный опыт снова фигурирует с

современным революционерам состоянием Франции и выводит это современное состояние на общеисторический уровень осмысления. «Если вы хотите вернуть человека свободе, создайте законы лишь для него; не подавляйте его силою власти. Сегодня многие заблуждаются, считая, что угнетатели исчезли навсегда. После Ликурга пришли угнетатели, которые уничтожили его труд. Если бы Ликург установил для Лакедемона свод законов, чтобы сохранить его свободу, угнетатели раздавили бы и эти законы. Минос заложил в своих законах право на восстание, тем не менее, жители Крита остались в подчиненном положении. Свобода народа - в силе и длительности его конституции: она всегда погибает вместе с нею, потому что ее уничтожают тираны, ставшие сильнее свободы.» Гарант свободы народа - конституция. Вместе с тем, многие высказывания, связанные с темой законодательства говорят (прямо или косвенно) о том, что неизбежно происходит смена свободы народа его рабством перед тиранией. Но и на смену тирании всегда придет свобода.

Какой из способов для гарантии существования конституции и республики избрали революционеры? Обратимся к следующему высказыванию: «Трудно установить республику, если не осудить со всей беспощадностью все преступления... Бдительность необходима: вы не имеете права быть милосердными, проявлять сочувствие к изменникам; вы трудитесь не для себя, а для народа. Ликург был одержим той же идеей: после того как он добился блага для своей страны с помощью беспощадно суровых мер, он удалился в добровольное изгнание». Оказывается, чтобы установить республику, необходима общественная бдительность, и этой необходимостью революционеры опять-таки обязаны античному опыту. Бдительность народа по выявлению своих врагов - необходимая гарантия всякого существования республики. В связи с этим возникает идея об ответственности каждого за происходящее в республике. Эта идея в свою очередь, тесно связана с идеей о народном суверенитете. Таким образом, если народ суверенен, то он должен быть ответственным сам за себя. Об этом говорит следующий фрагмент из Робеспьера: «У всех свободных народов каждый гражданин рассматривается как бдительный часовой, глаза которого всегда открыты, чтобы обнаружить то, что угрожает общественному благу... Аристид, будучи приговорен капризом своих сограждан к славному изгнанию, не обвинял право, предоставленное законом каждому гражданину, наблюдать самым строгим образом за действиями должностных лиц, потому что он хорошо знал, что если более благоприятный для должностных лиц закон и защитил бы его от безрассудного обвинения, тот же закон был бы благоприятен для множества развращенных должностных лиц, и что, таким образом, главная опора свободы была бы опрокинута.» . Это высказывание дает понять, что каждый свободный гражданин во имя свободы должен отдать часть своего суверенитета для того, чтобы другие, «развращенные» сограждане не могли злоупотребить всепоглощающей свободой. Античный пример, введенный Робеспьером в свои рассуждения, как раз указывает на то, что народная бдительность и ответственность -

своеобразная страховка, с которой в свободном обществе согласны все, в том числе и самый добродетельный «герой» революции - Аристид.

Еще одно необходимое условие существования свободного общества, основанного на хороших законах - суверенитет народа, как особая его сила. Античный пример прививает революционерам мысль о том, что народ должен быть самостоятелен в своих поступках, тогда он обретет подлинный суверенитет. В статье Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, посвященной понятию «суверенитет», есть одна важная деталь, в свете которой разговор о самостоятельности народа приобретает полноценный смысл: «Главный момент, определяющий понятие Суверенитет, есть момент отрицательный: над данною властью, которой принадлежит Суверенитет, не должно стоять никакой другой власти, имеющей правомерное полномочие давать ей повеления или препятствовать осуществлению ее воли...». Таким образом, выше суверенной власти народа не может быть никакой власти, следовательно, свои интересы может также представлять только сам народ и никто другой. Так рождается ответственность каждого. Фрагмент, излагающий взгляды Робеспьера стоит привести здесь полностью, потому что в нем важны детали. «Гарантию своих прав народы должны видеть только в своей собственной силе... Я не могу доверить защиту столь великого дела людям слабым и поддающимся соблазну. Покровительство трибунов предполагает, что народ поработен. Мне отнюдь не нравится, когда римский народ уходит на Авентин, чтобы просить защиты у деспотического Сената и у заносчивых патрициев; я хочу, чтоб он остался в Риме и чтоб он изгнал оттуда всех своих тиранов, Я ненавижу, так же как и самих патрициев, и презираю гораздо больше тех честолюбивых трибунов, подлых уполномоченных народа, которые продают хозяевам Рима и свои речи и свое молчание, которые, если и защищали иногда народ, то лишь для того, чтобы выгоднее продать его свободу угнетателям.

Есть только один народный трибун, которого я могу признать: это сам народ. Я за присвоение власти трибуна каждой секции Французской республики: и не трудно организовать ее так, чтоб она была одинаково отдалена от бурь абсолютной демократии и от коварного спокойствия представительного деспотизма» В этом высказывании, как и во всех посвященных народу и законодательству тесно переплетаются современность и античность. Рассматривая способы народного представительства в Древнем Риме, Робеспьер приходит к выводу, что они по сути также являлись органами деспотии. Слишком много зависело от воли людей, которые не всегда являются добродетельными, и скорее склонны к честолюбию, чем к представлению интересов народа. Для Франции Робеспьер предлагает другой путь.

В связи с осмыслением опыта античной политической деятельности в политической мысли Франции возникает еще одна идея. Идея особой миссии, сопряженная с кодексом революционера, рассмотренным в первой главе. Миссия, которая заключается в защите республики, конституции и народного представительства. Таким образом,

революционер берет на себя ту часть ответственности, о которой он говорит применительно ко всему народу. Революционер становится гарантом конституции, также как и остальные люди, с той разницей, что он еще и должен соответствовать кодексу поведения, быть подлинным героем революции. Такую позицию политических деятелей эпохи революции прекрасно иллюстрирует следующее высказывание: «...как человек, который будет еще с опасностью для своей жизни защищать Конституцию против двора и всех фракций. Я - республиканец? Да, я хочу защищать принципы равенства и осуществление священных прав, которые Конституция гарантирует народу от опасных идей тех интриганов, которые смотрят на народ как на средство удовлетворения своего честолюбия; я предпочитаю видеть народное представительное собрание и свободных уважаемых граждан с королем, чем рабский и униженный народ под хлыстом аристократического Сената и диктатора. Для меня...иго децемвиров не более сносно, чем иго Тарквиния. Разве в словах « республика» или «монархия» находится решение великой социальной проблемы?». В другом переводе и издании это высказывание звучит по-другому: «...Я и дальше, рискуя своею жизнью, буду защищать конституцию против двора и против всех клки. Я республиканец! Да, я хочу защищать принципы равенства и осуществление священных прав, гарантированных народу конституцией против опасных систем интриганов, которые в народе видят лишь орудие своего честолюбия. Я предпочитаю видеть народное представительное Собрание и граждан, пользующихся свободой и уважением при наличии короля, чем рабский и униженный народ под палкой аристократического сената и диктатора... иго децемвиров я так же не терплю, как и иго Тарквиния. Разве слова «республика» или «монархия» заключают в себе решение великой социальной проблемы?» Интересно, чем обусловлена постановка вопросительного или восклицательного знаков, во всяком случае, от нее меняется настроение высказывания. В первом случае оно приобретает окраску некоторой язвительной насмешки над своими оппонентами или решения вопроса относительно самоидентификации, но тогда получается несколько путаная ситуация - Робеспьер спрашивает себя: роялист ли он или республиканец? Во втором фрагменте - это скорее яростный накал страстей, человека, который отстаивает свою точку зрения. Проверить и выдвинуть собственную интерпретацию перевода я не имею возможности в силу указанных выше причин. Во всяком случае, содержательная сторона обоих переводов не страдает от подобных неясностей. Единственное, что в данном случае не особенно устраивает меня это то, что из-за потери знаков препинания нельзя полноценно увидеть высказывание в его полной эмоциональной картине. Мне неясно отношение автора, его настрой. А в свете важности высказывания, говорящего о республиканской миссии революционера это становится необходимым. В данных фрагментах четко очерчена позиция Робеспьера - защищать свободу и равенство, заложенные в конституции, от тирании. Для более полного понимания высказывания обратимся к статье «децемвиры» из Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона,

которая дает следующие сведения об усилении власти децемвиров: избранные на один год для написания законов, они продлили срок своего правления еще на один года, уже сама замена на один срок консульского правления была воспринята сенатом, как угроза гражданской свободы, а после вступления децемвиров во второй сорок эта угроза стала очевидна. В результате «водворилась жестокая олигархия», что привело к возмущению народа. Ясно, что нет особой разницы, как называется тирания, так как она может быть заключена и в сердце монарха и среди членов сената. В этом смысле, действительно нет различий в правлении децемвиров, самовольно узурпировавших власть или Тарквиния Гордого, который являлся царем по праву. Вот от таких усиления власти и призваны защищать законы. А также добродетельные революционеры.

2. Добродетель, или двигатель демократии

В завершении своей работы я считаю необходимым рассмотреть понятие «добродетель» в его значении для революционеров. Эта категория уже встречалась в связи с кодексом революционера в главе о герое революции. В данном параграфе я обращусь к составляющим этого понятия, его характеристикам и его соотношению с другими значимыми категориями Французской революции.

О том, что добродетель - ведущее нравственное понятие у рассматриваемых мною политических деятелей, говорит факт постоянного присутствия этого понятия в различных высказываниях. Рассмотрим поближе свойства этого понятия.

Наиболее полное рассмотрение понятия встречается у Робеспьера. В докладе «О принципах политической морали», представленном Конвенту 5 февраля 1794г. содержится квинтэссенция взглядов якобинцев на данную тему. Мне остается только внимательно следовать за текстом и раскрывать, по возможности, смысл высказываний. Первое высказывание характеризует добродетель как ведущую силу демократического строя: «Итак, каков основной демократический или народный принцип правления, т. е. какова важнейшая движущая сила, которая поддерживает его? Это добродетель; я говорю об общественной добродетели, которая произвела столько чудес в Греции и Риме и которая должна произвести еще более удивительные чудеса в республиканской Франции; я говорю о той добродетели, которая является не чем иным, как любовью к родине и ее законам!». Таким образом, в применении к принципам государственного устройства речь идет не о личной, а общественной добродетели, которая заключается в любви родине и законам. Подобные же составляющие добродетели, но только личной встречались мне в главе о героях революции, только там это были качества личности, а не принцип государственного строя. Но так или иначе и личная, и общественная добродетель рассматривается революционерами как необходимость демократического государства. Такая трактовка вероятно, уходит корнями в произведение Шарля Луи Монтескье «О духе законов». Сделать такой вывод позволяет практически полное совпадение идей высказываний у Монтескье и Робеспьера. Так в

сочинении Монтескье можно найти такие строки: «Для того чтобы охранять и поддерживать монархическое или деспотическое правительство, не требуется большой честности. Все определяет и сдерживает сила законов в монархии и подъятая длань государя в деспотическом государстве. Но народное государство нуждается в добавочном двигателе; этот двигатель - добродетель.».

И Робеспьер, и Монтескье, таким образом, сходятся во мнении о том, что добродетель является двигателем демократического строя. Монтескье добавляет к этому, что такой строй как монархия не нуждается в добродетели в том объеме, который необходим демократии. Развивает он эту мысль в главе, специально посвященной монархическому образу правления. «В монархиях политика совершает великие дела при минимальном участии добродетелей... Такое государство существует независимо от любви к отечеству, от стремления к истинной славе, от самоотвержения, от способности жертвовать самым дорогим и от всех героических добродетелей, которые мы находим у древних и о которых знаем только по рассказам.» Возможно такое при существовании законов, которые заменяют добродетель, а также чести, то есть предрассудков отдельных личностей, которые также служат этой цели.

Робеспьер также развивает эту мысль, но несколько подробнее останавливается на нравственной характеристике самого понятия. Добродетель для Робеспьера - прежде всего чувство, а не отвлеченный принцип. Так, в докладе «О принципах политической морали», к которому я уже обращалась выше, Робеспьер пишет: «Верно то, что это великое чувство предполагает предпочтение общественному интересу всех частных интересов. Отсюда проистекает то, что любовь к родине или предполагает или производит все добродетели. Ведь что представляют собой добродетели, как не силу души, способную на эти жертвы? И как сможет, например, раб скупости или тщеславия принести своего идола в жертву отечеству?» Это высказывание дает понять, что добродетель заключается в любви к отечеству, таким образом, в важнейшем принципе демократии сочетаются личное и общественное начало. Без личной любви и преданности отечеству каждого не будет общей преданности общественному интересу. Кроме того, благодаря этой любви формируются и другие добродетели, становится возможным предпочтение общественных интересов личным, способность идти на жертвы также приобретает при наличии добродетели. Так как «раб скупости и тщеславия» не способен идти на жертв, то, рассуждая от противного - на это способен человек, соответствующий кодексу революционера, так как в нем содержатся те качества, которые являются основополагающими для добродетели общественной. Вспомним теперь и идею ответственности каждого за законы и становится ясным смысл слов о том, что добродетель - основной двигатель демократического способа правления.

Робеспьер поддерживает мысль Монтескье о том, что добродетель необходима монархии в гораздо меньшей степени: «...В монархии я знаю лишь одну личность, которая может любить отечество и которой для

этого нет надобности в добродетели, - это монарх. Смысл этого в том, что из всех жителей его государства один только монарх имеет отечество. Разве он не суверен по крайней мере фактически? Разве не занимает он место народа?» Но если Монтескье говорит о том, что сила монархии поддерживается законами, честью и поэтому ей не нужна добродетель, Робеспьер связывает эту особенность с любовью к отечеству. Поскольку монарх обладает полнотой власти, является по сути сувереном, то только он один во всей стране имеет отечество. Следовательно, он один должен быть ответственен, это значит, он один должен соответствовать и формировать в себе черты добродетели.

Нужно еще раз подчеркнуть, что само понятие добродетели связано у Робеспьера с чувством любви преданности родине: «...И что такое родина, разве это не страна, где ты гражданин и где ты представляешь верховную власть?» Таким образом, демократический принцип правления связан с ощущением каждого члена государства гражданином и сувереном своего отечества. В этом источник превосходства свободных народов над другими народами, в этом секрет величия Афин и Спарты.

С понятием об ответственности всех граждан связан тезис о том, что добродетель в большей степени должна быть свойственна народу, чем его правительству. Робеспьер вообще считает, что народу достаточно любить себя для того, чтобы быть добродетельным. Поскольку принципы демократического правления должны быть свойственны каждому в государстве, они присущи и народу в целом. Поэтому величие государства зависит от добродетельности его народа. Об этом следующее высказывание Робеспьера: «... Если правительство лишено этой добродетели, она остается как ресурс в народе, но когда сам народ развращен, свобода уже погибла.» Здесь Робеспьер также повторяет мысль Монтескье: « ... если законы перестают соблюдаться в народном государстве, то оно уже погибло, так как причина этого зла может быть только в испорченности самой республики.» В связи с этим тезисом возникают образы погибших в собственном разврате и честолюбии городов - Афин и Рима. Можно только вспомнить высказывания Робеспьера о том, что Рим остается лишь в сердце Брута или о гибели Катона Младшего, говорящих по сути о гражданах без отечества. Этот взгляд на упадок античных городов видимо, также уходит корнями в труд Монтескье. Об этом свидетельствует следующее высказывание: «Когда Сулла захотел вернуть Риму свободу, Рим уже не мог принять ее. Он сохранил лишь слабый след прежней добродетели... в дальнейшем добродетель продолжала угасать, Рим... все более погрязал в рабстве... Восторжествовать над силами Афин было всегда столь же легко, как трудно было восторжествовать над их добродетелью.»

Понятие о добродетели многогранно, кроме описанных выше составляющих оно включает в себя способ организации органов управления, особенности существования добродетели в революционную эпоху (соотношение добродетели и террора). Здесь мне необходимо было рассмотреть составляющие этого понятия в их взаимосвязи с античными образами. Иными словами, как возникает взаимосвязь личной

добродетели с добродетелью государства, почему добродетель - главный принцип демократии, в связи с чем появляется образ умирающих Афин и Рима.

***

Использование методов современной интеллектуальной истории применительно к античным образам в политическом дискурсе Французской революции открывает современному взгляду еще одну реальность. Заключение в тексте высказываний нюансы смысла создают собственные образы и понятия, которые живут собственной жизнью в контексте революции. Это дает возможность увидеть определенные нюансы во взглядах революционеров на самих себя, на своих врагов, на свой идеал героя, а также на понятия законотворчества и добродетели.

Высказывания, ставшие предметом анализа в первой главы, позволили (вос)создать интересный текст, который словно существует параллельно с реальностью, и высказанным текстом политической мысли.

Новые совокупности высказываний могут рассказать очень о многом. Революционеры задают вопрос прошлому. Они словно смотрят туда и спрашивают о самоидентификации: «А мы-то кто?» Это основной вопрос современности к прошлому. Эти вопросы и ответы на них по возможности возникают при восстановлении смысла античных образов.

Первый вопрос, который ставят античные образы, - вопрос о лице «героя» революции. Кто он? Каковы его черты? «Герой» революции как бы составлен из разных античных образов, своеобразного состава избранных героев. Предметом моего внимания стали несколько групп высказываний, образами для которых послужили - Марк Юний Брут, Люций Юний Брут, Братья Гракхи, Марк Порций Катон Старший, Марк Порций Катон Младший, Фемистокл, Демосфен, Аристид, Публий Корнелий Сципион Африканский. Благодаря анализу тех черт, на которые обращают внимание участники событий восемнадцатого века, сложился своеобразный кодекс революционера - свод нравственных свойств, принципов и правил, поведения.

Брут Старший и Брут Младший подарили революционерам способность быть последовательными в принципе борьбы с тиранией. Эта довольно громоздкая словесная конструкция не может быть выражена по-другому. Так как именно последовательная борьба с тиранией во всем, возведенная в принцип, ценится в революции как никакое другое качество.

Братья Гракхи являются для революционеров образцом борьбы за права земледельцев, бедняков, а главное - борьбы против аристократии. Катон Старший и Младший добавляют к революционной добродетели такие черты, как честность и неподкупность, аскетичность, личная порядочность, строгость к себе и к окружающим. Но самое главное - верность и глубокая преданность принципам свободы и республики. Катон Младший вносит своим жизненным примером идею о поступке революционера - необходимости умереть вместе с республикой.

Греческие герои добавляют красок в этот портрет. При их участии

становятся значимыми следующие черты - любовь и глубокая преданность к отечеству, способность поступиться личными принципами во имя отечества, защищать родину любой ценой, способность повлиять на общественное мнение в пользу отечества.

Такой «герой» получается, если следовать кодексу революционера, составленному из античных образов. Сын отечества, сочетающий в себе эти черты - идеал, который революционеры не находят в действительности. Попытки найти этот идеал в себе привели Бабефа к слезам. Участники политических событий XVIII века приходят к выводу, что идеал погиб вместе с Римом, и теперь его предстоит возродить. В эпоху Революции он только формируется, а им остается к нему стремиться. В связи с этим возникает идея сохранения Рима в своем сердце, как завет современникам - друзьям свободы и потомкам.

Портрет врага революции сочетает в себе совершенно противоположные черты. Его открывают нам тираны и предатели. Список тиранов воистину не имеет границ. Начавшись в античности с узурпаторов власти, он продолжается до времени революции. Портрет тирана получается из образов Тарквиния Гордого, Суллы, Цезаря, Пизистрата... и еще множества их пособников и всех тех, кто когда-либо претендовал на власть. Их черты - честолюбие беспринципность, враждебность принципам свободы и республики, жестокость, ложь и коварство. Причем, личные свойства характера могут не иметь значения, действует принцип - тиран (монарх, властное лицо) не может быть положительным героем. Почти неотделимо от тиранов находятся предатели или изменники. Таким образом, дополняют портрет врага революции Синон и Катилина, они вероломны, им присуща страсть к наживе, и всякое пренебрежение принципами. Портрет Катилины ясно говорит о том, что ему все равно кому и каким способом служить, лишь бы добиться своих целей. Катилина в революционной трактовке - своеобразный перевертыш - его используют и те, кто считает себя борцами за свободу и те, кого борцы свободы считают ее врагами. И те, и другие говорят о защите свободы и республике и о следовании законам, а также не забывают обвинить друг друга в действиях, ведущих к тирании. Такая трактовка образа связана с событиями заговора Катилины, участники заговора, в том числе и Цезарь, считали действия сената, приговорившего Катилину к смертной казни противозаконными, подавляющими свободу. В свою очередь, сенат считал, что он защищает свободу и существующий порядок. Разделение на тех и других, как видно из высказываний, сохранилось до Французской революции.

Проблема законодательного опыта раскрывается в образе законодателя-творца. Причем творит он не просто законы - он творит людей. С этой идеей связаны такие составляющие образа законодателя, как нравственность и добродетель законодателя, ведь от него зависит все: какие будут в государстве законы, какой государственный строй, какие люди и, в конечном итоге, впадет ли государство в тиранию или останется свободным и никогда не подвергнется разложению.

С нравственным обликом законодателя связана идея ответственности каждого за происходящее в стране. Из идеи о необходимости общественной бдительности, как защите от несоблюдения законов происходит идея о народном суверенитете, как гарантии соблюдения законов в государстве. Античные образы дают возможность выстроить своеобразную пирамиду гарантии хорошего законодательства. В основании ее законодатель-творец, такой как Ликург, Минос, Солон, Кодр... Далее - это грамотные законы соответствующие нравственности и ситуации развития государства и последняя гарантия долгого существования свободного государства - ответственность каждого его гражданина или народная бдительность, основывающая подлинный суверенитет народа.

Добродетель революции, раскрывающаяся в античных образах, также понятие составное. Она служит основанием суверенитета народа, для революционеров добродетель заключается в любви к родине и способности идти на жертвы во имя отечества. Являясь двигателем демократического государства, добродетель начинается с отдельных героев, способных жертвовать собой. Далее добродетельным должен быть каждый человек демократического государства. Из качеств каждого складывается образ добродетельного народа, преданного суверенитету и конституции.

Таким образом, удастся открыть разные смыслы высказываний, которые необходимы для более глубокого понимания политической мысли Французской революции. Я не берусь найти ключи ко всем дверям и тем более, нет никакой претензии на широту оценок, но то, что становится ясным в результате такого прочтения текстов, дает полноту и многогранность политического дискурса.

Все это может быть так, а может и совсем иначе. Смысл античных понятий и отношения, которые они устанавливают с политической мыслью Французской революции, все-таки во многом зависит от индивидуальной исследовательской интерпретации. И если верно то, что лучший из способов узнать эпоху - это заглянуть в ее темные места, то античные образы могут еще довольно много дать в области поиска их особых отношений с понятиями и идеалами конца восемнадцатого столетия. Здесь, скорее, по-прежнему больше вопросов, чем ответов, тем более, в свете произошедшего отказа от претензии на объективность. Разобравшись один раз с системой значений характеризующих Брута, можно получить небольшую инструкцию по подходу к другим вопросам постижения дискурса политической мысли. Конечно меня, как и любого исследователя (особенно в начале его пути) посещает сомнение о репрезентативности выводов, тем более, что и отбор материала, и его изложение в определенной концепции - дело моего личного выбора.

В то же время проведенное исследование демонстрирует возможность такого подхода к работе с источниками, который не только выявляет факты, события, «объективно существующие закономерности» и «исторические связи», но и вводит возможность работать с текстом

непосредственно, следуя за ним по пятам, пытаюсь говорить о нем через игру интерпретаций. Такой подход к исследованию политической мысли или общественных идей и взглядов скрывает в себе новые возможности для тех, кто ищет нюансы и тонкости исторического дискурса.

ИСТОЧНИКИ

1. Бабеф. Г. Сочинения. Т.1-4. М., 1975-1982
2. Документы истории Великой Французской революции. Т.1-2. М., 1990, 1992
3. Кутон Ж.-О. Избранные произведения 1793-1794 гг. М., 1994 http://vive-liberta.narod.ru/doc/couthon_disc.htm
4. Марат Ж.-П. Избранные произведения. Т.1-3. М., 1959
5. Монтескье Ш.-Л. О духе законов / Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955
6. Монтескье Ш.-Л. Размышления о причинах величия и падения римлян / Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М., 1955
7. Робеспьер М. Избранные произведения. Т.1-3. М., 1965
8. Робеспьер М. Революционная законность и правосудие. М., 1959 http://vive-liberta.narod.ru/doc/mr_orateur.pdf
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или принципы политического права / Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998
10. Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. СПб., 1995

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. Воображение знака / Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1994
2. Барт Р. История или литература / Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1994
3. Барт Р. Структурализм как деятельность / Барт Р. Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1994
4. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1965
5. Будагов Р. Из истории политической терминологии во Франции (краткий обзор лексикографических источников // Литературный критик. 1932. № 4 <http://enlightment2005.narod.ru/arc/budag.pdf>
6. Визгин В.П. Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы //Одиссей. 1996. М., 1996
7. Гордон А.В. Иллюзии - реалии якобинизма / Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. СПб., 1995 <http://enlightment2005.narod.ru/arc/gordon.pdf>
8. Гофман А.Б. Знание методологическое и знание предметное //Одиссей. 1996
9. Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. 1996
10. Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. 1996
11. Гусева Ю.В. Террор в годы Великой Французской революции <http://enlightment2005.narod.ru/arc/jgus.pdf>
12. Далин В.М. Предисловие к первому тому / Бабеф Г. Сочинения. Т.1-4. Т.1. М., 1975-1982
13. Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие элементы французской культуры. М., 2002

фрагменты книги:

- «Анатомия литературной республики в досье инспектора парижской полиции»
http://enlightment2005.narod.ru/papers/dam_litrep.pdf
- «Читатели Руссо откликаются»
http://enlightment2005.narod.ru/papers/dam_rss.pdf
14. Зверева Г.И. Реальность и исторический нарратив: проблемы саморефлексии новой интеллектуальной истории // Одиссей. 1996
15. Зверева Г.И. Самопознание профессиональной историографии // Диалог со временем. Вып.1. М., 1999
16. Иггерс Г.Г. История между наукой и литературой // Одиссей. 2001. М., 2001
17. Ионов И.Н. Судьба генерализующего подхода к истории в эпоху постструктурализма (попытка осмысления опыта Мишеля Фуко) // Одиссей. 2001.
18. Каганович Б.С. Несколько слов о так называемом позитивизме // Одиссей. 1996
19. Квадратура смысла. Французская школа анализа. М.,1990
20. Келли Д. Основания для сравнения // Диалог со временем. Вып.7. 2001
21. Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст / Барт Р. S/Z. М.,1994
22. К новому пониманию человека в истории. Очерки развития современной западноевропейской мысли. Томск, 1994
23. Лепти Б. Общество как единое целое // Одиссей. 1996
24. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990
25. Манфред А.З. Жан Поль Марат и его произведения / Марат Ж.-П. Избранные произведения. Т.1-3. Т.1. М., 1959
26. Манфред А.З. Максимилиан Робеспьер / Робеспьер М. Избранные произведения. Т.1-3. Т.1. М., 1965
27. Морщикина Л.А. Утопия и Великая Французская революция
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/l-a-mor.pdf>
28. Оболенская С.В. Некто Йозеф Шеффер, солдат гитлеровского вермахта. Индивидуальная биография как опыт исследования «истории повседневности» // Одиссей. 1996
29. Пименова Л.А. Идея свободы во Французской революции XVIII в. // Новая и новейшая история. 1992. № 1
30. Пименова Л.А. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе «века просвещения»
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>
31. Плавинская Н.Ю. «Дух законов» Монтескье и публицистика Великой Французской революции
<http://liberte.newmail.ru/Books/Plavinskaya.html>
32. Плавинская Н.Ю. Сен-Жюст и Монтескье / Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985
33. Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000
34. Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории //Одиссей. 1996
35. Репина Л.П. Комбинаторные возможности микро- и макроанализа: историографическая практика // Диалог со временем. 2001.№ 7
36. Репина Л.П. Что такое интеллектуальная история? // Диалог со временем. Вып.1., 1999
37. Рубинштейн Е.Б. Роберт Дарнтон: интеллектуальная история снизу //Диалог со временем. 1999. № 1

38. Рюзен Иорн. Утрачивая последовательность истории //Диалог со временем. Вып.7. М., 2001
39. Салмонович С. Сен-Жюст - революционер-романтик
http://enlightment2005.narod.ru/arc/sj_salmonowicz.pdf
40. Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000
41. Фуко М. Археология гуманитарного знания. М., 1996
42. Фуко М. Порядок дискурса / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996
43. Фуко М. Что такое автор? / Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1996
44. Черновецкая Т.А. К вопросу об эволюции мировоззрения Сен-Жюста / Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. М., 1995
http://enlightment2005.narod.ru/arc/sj_chem.pdf
45. Черновецкая Т.А. Личность и судьба / Сен-Жюст Л.-А. Речи. Трактаты. СПб., 1995
http://enlightment2005.narod.ru/arc/sj_chem.pdf
46. Чудинов А.В. На облаке утопии: жизнь и мечты Жоржа Кутона / Кутон Ж. Избранные произведения 1793-1794. М., 1994
http://pylippel.newmail.ru/guests/couthon_tchud.html
47. Чудинов А.В. Суровое счастье Спарты
<http://enlightment2005.narod.ru/arc/chud.pdf>
48. Шартье Р. История и литература //Одиссей. 2001
49. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М., 2002
50. Эксле О.Г. Факты и фикции: о текущем кризисе исторической науки // Диалог со временем. Вып.7. М., 2001
51. Энциклопедический Словарь Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. Электронная версия

Тематически связанные материалы

Е.Плимак. Революционный процесс и революционное сознание

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/plimak.pdf>

Т.Черновецкая. Античность в политическом дискурсе якобинцев и проблема понимания

http://vive-liberta.narod.ru/journal/ele_antiq.pdf

Анакреон, Алкивиад и другие (игра)

<http://vive-liberta.livejournal.com/27317.html>